

Р 4
10

807-14
1812

ИЗЪ ЗАМОСКВОРЪЧЬЯ ВЪ КРЫМЪ.

(Воспоминанія).

.....

А. Безгинъ.

42500

СЕВАСТОПОЛЬ.
Типографія „Крымскаго Вѣстника“
1909.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

— — — — —

Стр.	
3	Царицино.
4	Тула.
7	Кукуевка.
8	Мценскъ.
11	Орель—расправа артельщиковъ.
12	Нижне-Скворченская мельница.
13	Церковь Покрова—мосты—банки.
15	Смотръ въ кадетскомъ корпусѣ.
19	Голодный бунтъ кадетъ.
21	Открытіе дѣвичьяго института.
22	Колѣна—статуя Мефистофеля.
23	Поныры—встрѣча охотниковъ.
25	Борзна—коллекціонеръ В. В. Тарновскій.
27	Нѣжинъ—портретная галерея въ казначействѣ. <i>українська Вітчизна</i>
29	Памятникъ Гоголю въ Нѣжинѣ.
31	По пути изъ Нѣжина въ Кіевъ. — Встрѣча съ художникомъ В. В. Верещагинымъ.
34	Меншиковъ о розгѣ.
37	Бурскъ.
38	Харьковъ.
39	Обструкція ветеринаровъ.

- Чугуевъ—Рѣпчиха.
40 На югъ.
43 Лозовая—Юрковскій.
45 О женскихъ правахъ.
49 Въ пути по Крыму.
52 Разговоръ ратника съ зуавомъ.
59 Въ Севастополѣ «Квартираки».
60 Рестораны.
62 Нищіе.
63 Графская и Мичманскій бульваръ.
64 Нахимовскій проспектъ.
65 Бульвары.
68 Трамвай.
72 Извозничья бракоразводная такса.
73 Граммофоны.
74 Внутри дворовъ.

Изъ Замоскворѣчья въ Крымъ

(Воспоминанія).

„Читай, не вертись, а
что написано, не сердись“.

Приѣхавъ на ванкѣ отъ Спаса на Болвановкахъ, на обширный вокзалъ московско-курской желѣзной дороги, едва поспѣлъ къ отходу поѣзда. Весна въ разгарѣ. Быстро идущій поѣздъ громыхалъ по скрѣпленіямъ рельсъ желѣзной дороги. Безъ остановки миновали платформу у Рогожской заставы. Станціи такъ и мелькаютъ. Вотъ Люблино, Царицыно—съ развалинами гроба-дворца: изъ вагона ясно видна крыша дворца, имѣющая форму крыши гроба и вокругъ него симметрично расположенныя подобно свѣчамъ—башни ставники ¹⁾).

За Серпуховомъ начинается страна пейзазовъ, это очевидно явствуетъ изъ наз-

¹⁾ Не каждому, быть можетъ извѣстно, что постройка Царицынскаго дворца, архитекторомъ Баженовымъ, почти оконченная сооруженіемъ въ 1785 году, была прекращена по личному повелѣнію императрицы Екатерины II, нашедшей дворецъ слишкомъ мрачнымъ.

ваній станцій: Ока, Свинская, Пахомово, Лаптево, Бараново...

На тульскомъ вокзалѣ, кромѣ тульскихъ пряниковъ и мелкихъ металлическихъ издѣлій, предлагаются исключительно баташевскіе аршины и самовары, такъ какъ другихъ фирмъ эти предметы никѣмъ не покупаются. Поэтому въ Тулѣ стали дѣлать подборъ Баташевыхъ — однофамильцевъ, и теперь въ Тулѣ большинство продавцевъ и фирмъ металлическихъ издѣлій — Баташевы.

Тула городъ много объемистый, промышленный: центръ — казенный оружейный заводъ, по окраинамъ — также заводы. Улицы широкія, но мощенныя булыжникомъ, напоминающимъ бракованныя бомбы. По ближайшей отъ вокзала въ городъ улицѣ, всѣ дома полутора-этажные, бревенчатые или нештукатуренные кирпичные; въ лавкахъ вывѣски скошены всѣ на одинъ уклонъ отъ запада на востокъ — говорятъ это происходитъ отъ движенія земли вокругъ своей оси.

По парѣ тощихъ рельсъ, одноконный трамвай, крыша котораго кондуктору подмышки, тянется отъ вокзала до конца мѣстнаго Невскаго проспекта — Киевской улицы, останавливаясь передъ номерами „Чернышева“; экстрафешенебельность номеровъ этихъ не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ пріѣзжіе мѣстные помѣщики, скорѣе согласятся быть забаллотированными въ

земскомъ собраніи чѣмъ останавливаться въ другой гостиницѣ. Номера въ два ряда, раздѣленные длиннымъ сплошнымъ корридоромъ, помѣщаются въ трехъ двухэтажныхъ домахъ, разной высоты, такъ что корридоръ выходитъ съ ухабами. Администрация отеля находится не въ центрѣ, а въ концѣ, тамъ же и сигнальные звонки, въ виду чего половые, по длинному темному корридору, то и дѣло летаютъ Дюмонъ Сантосами.

Противоположная сторона улицы, противъ Чернышевой гостиницы, пестрѣетъ нотаріальными конторами. Отсюда же рукой подать до всего необходимаго, вправо на возвышенности виднѣется окружной судъ, налѣво магазины мѣстныхъ мозеровъ. Тутъ же, въ бакалеяхъ, выглядываютъ внушительные балыки и продаются лучшіе пряники Бѣлолицецкой, а также и „Нѣжинская рябиновка“ Тимофѣевыхъ, ни когда Нѣжина не выдавая; принимая во вниманіе, что въ Нѣжинѣ никогда наливки для продажи не производилось, да и самой рябины-дерева тамъ съ трудомъ сыскать. Лѣвый конецъ Киевской улицы упирается въ стѣны тульского кремля, расположеннаго вдоль рѣки Упы.

Въ воскресные и праздничные дни Киевская улица принадлежит рабочимъ, всѣ они, одѣтые въ болѣе или менѣе длинные черные сюртуки, со своими дамами въ кокошникахъ или косынкахъ на головѣ, со-

вершенно запружаютъ оба тротуара улицы восторженно созерцающа мчащихся посреди улицы въ перегонки, на видныхъ рысакахъ, мѣстныхъ купчиковъ—спортсменовъ.

На пятой верстѣ отъ тульского вокзала промелькнулъ металлургическій заводъ бельгійскаго общества. Ночью озаренный внутреннимъ огнемъ, съ отблесками пламени, разливающимся въ зарево, онъ напоминаетъ капище Ваала или раскаленную печь, въ которой, одѣтые въ санбенито, жарились испанскіе еретики.

Маленькая остановка на полустанціи „Козлова засѣка“. До сооруженія и открытія въ 1868 году московско-курской желѣзной дороги, тульскіе казенные лѣса, такъ называемыя засѣки, послѣ муромскихъ и брянскихъ лѣсовъ, пользовались извѣстностью воровскихъ и разбойничьихъ нападеній на проѣзжихъ трактахъ, благодаря которымъ сложилась пѣсня Варламова: „Что затуманилась зоринька ясная, пала на землю росой. . .“, теперь вмѣсто пѣсенъ, Малышевы²⁾ употребляютъ: хлороформъ, морфій, атропинъ... надѣвая монокль и лайковыя перчатки.

Близъ станціи „Ясенки“, пассажиры всматриваются въ виднѣющуюся изъ оконъ поѣзда барскій домъ „Ясной Поляны“; въ вагонѣ засуетилось нѣсколько паломниковъ отправляющихся во владѣнія „калифа не-

²⁾ Малышевъ, извѣстный, нѣсколько лѣтъ назадъ грабитель на желѣзныхъ дорогахъ.

противленія злу“.

Между станціями Чернью и Бастыево проѣзжаютъ мимо одной изъ человѣческихъ гекатомбъ—мѣста извѣстной желѣзнодорожной катастрофы въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ близъ деревни Кукуевки, когда почти цѣлый почтовый поѣздъ вмѣстѣ съ пассажирами провалился сквозь землю, подъ осѣвшую въ болото насыпью полотна дороги. Въ числѣ погибшихъ при этой катастрофѣ была, между прочими, нѣкая пожилая госпожа Святогоръ-Штепень, ѣхавшая въ вагонѣ 1-го или 2-го класса съ родственникомъ своимъ молодымъ Тургеневымъ, племянникомъ писателя, Тургеневъ сопровождалъ свою тетку для безопасности въ дорогѣ, такъ какъ та везла съ собой порядочную сумму денегъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. При откапываніи вагоновъ изъ земли, нашли трупы Святогоръ-Штепень, Тургенева и при нихъ сполна всѣ деньги и въ томъ же вагонѣ откопали трупы пяти варшавскихъ мѣщанъ (судя по имѣвшимся у нихъ паспортамъ); по дальнѣйшимъ справкамъ, всѣ пятеро оказались извѣстными варшавскими мазуриками, какъ видно слѣдившими за капиталомъ госпожи Святогоръ-Штепень. Судьба ихъ напоминаетъ гравюру изъ охотничьей жизни на страницахъ журнала „Вскругъ свѣта“, на которой изображенъ охотникъ, стрѣляющій въ газель, въ то время какъ сзади изъ за-

рослей дѣлаетъ на него прыжокъ крова-
жадный тигръ.

Послѣ катастрофы словомъ „Кукуевка“,
долго преслѣдовали желѣзнодорожныхъ
инженеровъ строителей. Вскорѣ же послѣ
этого, созвучную полустанцію „Кокуевку“,
той же дороги, по пути между Орломъ и
Курскомъ, поспѣшили переименовать въ
„Куракино“.

Проѣзжаемъ мценскій уѣздъ—родину цѣ-
лой плеяды писателей землевладѣльцевъ.
Вотъ Бѣжинъ лугъ, чернскаго уѣзда, Спас-
ское-Луговиново, мценскаго и Тапки, ма-
лоасхангельскаго уѣздовъ,—все арена дѣй-
ствій „Записокъ охотника“; но теперь тамъ
не найти и слѣдовъ этихъ мѣстъ—въ по-
слѣдніе годы жизни Ивана Сергѣевича
Тургенева, въ Парижѣ усиленно требова-
лись деньги: сперва изъ подрѣзанной коры
сѣдыхъ березъ стали гнать сокъ на де-
готъ, затѣмъ ихъ сплошь валилъ топоръ,
и послѣ выкорчевки пней, изсякли всѣ
ключи, криницы, а съ ними вмѣстѣ ручей-
ки свое журчанье прекратили и по ого-
леннымъ буграмъ, теперь шаромъ хоть по-
кати... Успѣли замереть также: „шопоть,
робкое дыханье, трели соловья...“ со смер-
тью Фета—бывшаго мирового судьи въ
мценскомъ уѣздѣ Афанасія Афанасьевича
Шеншина. Обстоятельство, что подъ од-
нимъ изъ стихотвореній послѣдняго, за
псевдонимомъ Фетъ была поставлена его
фамилія Шеншинъ, подало поводъ какому-

то любителю виршей пробалагурить: „Какъ
солнца свѣтъ и снѣгъ вершинъ, исчезнулъ
Фетъ и сталь Шеншинъ“.

Въ мценскомъ уѣздѣ жилъ и умеръ въ
шестидесятыхъ годахъ талантливый ора-
торъ, славянофиль по убѣжденіямъ, мѣ-
стный землевладѣлецъ Александръ Сергѣ-
евичъ Цуриковъ. Цуриковъ владѣлъ и пе-
ромъ: во время крымской кампаніи былъ
гдѣ-то напечатанъ его французскій пере-
водъ стихотворенія Пушкина „Клеветни-
камъ Россіи“ („О чемъ шумите вы, народ-
ные витіи“...) Сколько помнится переводъ
начинался такъ:

Pourquoi nous lancez—vous l'implacable ana-
thème.
Tribunt des peuples—rois, d'où vient votre
courroux.
De vos hurlants discours la Pologne est le
thème,
Mais ce thème sanglant n'a pas de sens pour
vous.

и т. д. . . . *)

Мценскъ считается излюбленнымъ горо-
домъ Святителя Николая, по народному
сказанію, приплывшему во Мценскъ по рѣ-
кѣ Зушѣ на камнѣ.

До постройки желѣзныхъ дорогъ, Мценскъ
конкурировалъ въ хлѣбной торговлѣ съ
Ельцемъ, но теперь пришелъ въ упадокъ
и онъ систематически посѣщается лишь
во время земскихъ собраній, да уѣздныхъ

*) Отдѣльные оттиски этого стихотворенія хра-
нятся у его сына, бывшаго въ Мценскѣ мировымъ
судьей—Сергѣя Александровича Цурикова.

сѣздовъ, имѣющими до нихъ надобность.

Комичный инцидентъ произошелъ однажды въ мценскомъ уѣздномъ сѣздѣ. Молодой, недавно рукоположенный священникъ, впервые для него, приводилъ къ присягѣ свидѣтелей; онъ видимо волновался, желая сдѣлать предварительное внушеніе свидѣтелямъ о святости присяги. — Начиайте присягу батюшка, да скажите передъ тѣмъ напутственное слово, обратился къ нему предсѣдатель сѣзда. „Знаю, знаю я уже приготовилъ примѣръ о Захаріѣ видѣвшемъ на небѣ знаменіе на подобіе серпа“, отвѣчалъ батюшка, и обращаясь къ мужикамъ свидѣтелямъ сказалъ имъ: „поднимите за мной руку и повторяйте мои слова“. „Захарій видѣлъ серпъ на небѣ“... Тѣ, думая, что это уже начало присяги, подняли руки и повторили за священникомъ—Захарій видѣлъ серпъ на небѣ... „Постойте! не вамъ“, закричалъ батюшка, —Постойте, не вамъ,—повторили свидѣтели. „Погодите! вы не то говорите“. —Погодите, вы не то говорите. „Замолчите!“ завопилъ батюшка,—Замолчите, повторили свидѣтели. Смущенный батюшка умоляюще посмотрѣлъ на предсѣдателя; тотъ вставъ, громко крикнулъ свидѣтелямъ: „Молчать!“ Тѣ опустили руки и стали смотрѣть вопросительно.—Ну теперь, начинайте батюшка присягу прямо, безъ предисловія—замѣтилъ, кусавшій себѣ губы, предсѣдатель.

За Мценскомъ или „Амченскомъ“, какъ произносятъ его обыватели, мгновенно исчезаетъ буква „о“, замѣняясь буквой „а“. — „Станція Арель“... „Аставьте пожалуйства, праказникъ вы эдакій“, хихикаютъ гдѣ-то въ вагонѣ.

Что Орель да Кромы,—„всѣмъ ворами воры“, было извѣстно еще до разказа Леонида Андреева ⁴⁾. До открытія желѣзныхъ дорогъ, на почтовыхъ трактахъ, городъ Орель опоясывался воровскими притонами Хатетово, Разбѣгаевка, Сорочьи Кусты,—на Шигровскомъ трактѣ; Собакино и Разуваево—на Новосильскомъ и Костомаровка на Болховскомъ трактахъ, охватывали данью проѣзжихъ на „большакахъ“—точь въ точь, какъ хунхузы вокругъ Харбина (исключеніе составляло московское шоссе, имѣвшее казенную охрану); но эта дань считалась вполне естественной мздою: плати и откупайся по мѣрѣ прибыли. Въ самомъ же городѣ было тихо. Но вотъ осенью 1868 года вскорѣ послѣ открытія московско-курской желѣзной дороги, между орловскимъ вокзаломъ и московскими триумфальными воротами, по шоссе на двухъ верстной пустыри стали пошаливать вооруженные грабители. Желѣзнодорожные артельщики, интересъ которыхъ этимъ сильно подрывался—встрепенулись. Вечеромъ, нарядивъ одного изъ своихъ базарной торговкой, устроили засаду въ канавѣ

⁴⁾ О семи повѣшенныхъ.

какъ разъ подъ обелисками (память победы надъ Тушинскимъ воровъ въ 1609 году) и изловивъ грабителей, кузнечными молотами перебили имъ пальцы рукъ. И вотъ уже сорокъ лѣтъ преданіе о калѣченныхъ рукахъ охраняетъ эту мѣстность лучше всякихъ присяжныхъ сторожей.

Но не всегда, въ подобныхъ жакеріяхъ судъ Линча принималъ сторону палачей: въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ близъ станціи Залегощь, Орловско-Грязской желѣзной дороги, арендаторъ Нижне-Скворченской мельницы на рѣкѣ Неручи Раклѣвъ заключилъ невыгодный для общества крестьянъ села Нижне-Скворчаго арендный договоръ, за что былъ выдворенъ послѣдними изъ мельницы. Но такъ какъ юридическое право было на сторонѣ Раклѣва, то изъ уѣзднаго города Новосила пришелъ взводъ инвалидной команды съ исправникомъ и становымъ водворять вновь Раклѣва, привезшаго съ собой и безногаго „аблаката“ (писца). Но атакованная бабами и ребятишками инвалидная команда была мигомъ обезоружена. Толстопузый Раклѣвъ пустился на утекъ черезъ глубокую Неручь, покинутого же имъ аблаката, мѣръ рѣшилъ проучить жестокосердно: „ты строчило самъ дескать безногій, а творишь зло руками, такъ мы лишимъ тебя и рукъ“. Взмолился писарь когда принесли отъ кузнеца молотъ: „брат

цы не губите, дамъ за себя откупъ“. Тутъ кто-то изъ болѣе благоразумныхъ закричалъ: — Давай по ведру за каждый палецъ. Трепещущій писецъ, выдавъ имѣвшіеся у него тридцать рублей, воспользовался минутой, чтобъ скорѣй улизнуть, на своихъ костыляхъ, когда принесли водку и раздались шумныя здравицы за уцѣлѣвшіе пальцы „аблаката“.

Съ вокзала открывается панорама города Орла. Изъ зданій выдѣляются налѣво—семинарія; направо—казармы Черниговскаго драгунскаго нынѣ гусарскаго полка, а вдаль—кадетскій корпусъ и архіерейское подворье. Электрической трамвай въ двадцать минутъ пробѣгаетъ пятиверстное разстояніе отъ вокзала до конца кадетскаго корпуса. За рынкомъ Ильинкой, проѣзжаютъ мимо неоконченной постройкой массивной церкви Покрова, средней куполъ которой уже послѣ золоченія обрушился въ 1862 году, но безъ человѣческихъ жертвъ. Несмотря на существованіе оправдательныхъ поговорокъ „что съ воза упало, то пропало“; „безъ воли Божіей, (не то, что куполъ), ни одинъ волосъ не упадетъ съ головы“ и т. д.—архитекторъ Тибо былъ отданъ подъ судъ. Судъ—тогда еще въ лицѣ „аудитора“, видимо принялъ рѣшеніе, согласное съ указаннымъ въ баснѣ Крылова „Троеженецъ“ такъ какъ архитекторъ Тибо умеръ до суда, спустя впрочемъ нѣсколько лѣтъ и

успѣвъ еще вывести много построекъ. Причины катастрофы тѣ же, что побудили къ перестройкѣ „до Монферрановскаго“ — Исаакія Далматскаго на Невѣ, про котораго говорили: „вотъ памятникъ двумъ царствіямъ приличный—верхъ каменный, а низъ кирпичный“. Затѣмъ трамвай протаскивается черезъ знаменитые висячіе мосты—Александровскій на Окѣ и Маріинскій на Орликѣ; знамениты же они не тѣмъ, что не обрушились, а тѣмъ, что сами провалили городъ: въ восьмидесятыхъ годахъ лопнулъ банкъ при посредствѣ ксего они строились. Директоръ городского банка, онъ же и городской голова купецъ Авиловъ, былъ человѣкъ разбитной, обязателный. за что и потянулся по Владиміркѣ, а долгъ города Орла, вмѣстѣ съ всѣми городскими недвижимостями, включая сюда всѣхъ домовладѣльцевъ, взяла въ опеку казна и черевъ пятнадцать лѣтъ ликвидировала конкурсъ десятью процентами. Не задолго передъ тѣмъ лопнулъ и такъ называемый Шереметьевскій банкъ (Орловское общество взаимнаго кредита), основанный губернскимъ предводителемъ дворянства Александромъ Васильевичемъ Шереметьевымъ на милліонъ земскаго сбора, собраннаго для концессіи на сооруженіе земской орловско-витебской желѣзной дороги. Въ 1879 году въ вѣдомостяхъ С. П. Б. городской полиціи была напечатана краткая публикація о томъ, что розыски-

вается какъ неоплатный должникъ камергеръ двора Его Величества А. В. Шереметьевъ, а онъ въ это время уже занималъ незначительное амлуа въ какомъ то учетномъ банкѣ въ Парижѣ во Франціи. Не лучше Шереметьева кончилъ и его замѣститель по губернскомъ предводительству Павелъ Васильевичъ Тютчевъ, популярно именовавшійся „Павло“—онъ умеръ въ Монте-Карло, считая исправленіе обязанностей крупье въ „trente et quarante“ за почетное ремесло.

Послѣ эмансипаціи, какъ тогда называли освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, дворянскія традиціи не сразу оскудѣли и военная карьера до 1864 года предпочиталась прочимъ, почему и дѣтей своихъ, дворяне продолжали опредѣлять преимущественно въ кадетскіе корпуса. До образованія военныхъ училищъ въ 1863 г., воспитанники кадетскихъ корпусовъ выпускались изъ своихъ спеціальныхъ классовъ прямо въ офицеры, а всѣ кадеты отъ мала до велика образовывали изъ себя четырехъ ротный баталіонъ, не считая не-ранжированной роты изъ десяти и одиннадцати лѣтокъ.

Практикѣ фронтоваго ученія отдавалось предпочтеніе передъ теоретическими познаніями въ научныхъ предметахъ, впредь до преобразованія въ 1864 году кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи.

Послѣдній баталіонный смотръ въ Ор-

ловскомъ кадетскомъ корпусѣ происходилъ весной 1864 года въ присутствіи Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Николая Александровича (скончавшагося въ Ниццѣ 12 апрѣля 1865 г.) Баталіонъ, командуемый полковникомъ Матвѣевымъ, былъ въ полномъ комплектѣ.

Въ каскахъ и ранцахъ съ холостой пальбой стройно вели кадеты одностороннюю атаку; ротные командиры заливались всласть. (Послѣ стрся кадеты обязательно поднимали на ура своихъ ротныхъ командировъ и качали ихъ. Качаніе на ура не всегда означало благоволеніе снизу, если были чѣмъ недовольны начальствомъ, то во время качанья давали знать имъ объ этомъ щипками или уколами).

Атаку вели со стрѣлковыми перебѣжками на задній плацъ и на корпусный садъ по направленію на корпусную прачечную. Барабаны яростно выбивали дробь и раздавались веселые мотивы сигнальныхъ рожковъ: „Солдаты храбрые впередъ, равненіе направо; кто первый на стѣну взойдетъ, тому и честь и слава. Тра-та-та-та, тра-та-та-та, тому и честь и слава“. Слышались также: „Разсыптесь молодцы, за камни за кусты—по два въ рядъ“, или: „Машенька гуляла у себя въ саду, ду, ду..“, и затѣмъ вдругъ вызовъ роты: „отрубили кошкинъ хвостъ“. Тра-та-та-та, тра-та-та та, тра, та, та, а, а“.

Оговорка: въ кавалеріи многіе команди-

ры отдавали приказанія трубачамъ, наигрывая сигнальные припѣвы: „славно мы врага разбили, трубачъ-труби-отбой“. Гревсъ, командуя кievскимъ гусарскимъ полкомъ, давалъ приказаніе трубачамъ играть „подъ штандартъ“, не иначе какъ словами: „я не Татьяна, я не Маруся, я не, не, не; не; я не боюсь“.

Атака продолжалась, несмотря на встрѣчныхъ два забора; сигнала къ отбою еще не давали. Въ застрѣльщикахъ оказались „маковщики“ (забіяки младшихъ возрастовъ); тѣ ничтоже сумятися, съ криками ура, мигомъ перекувыркнулись черезъ заборы и ворвались въ открытыя окна прачечной. Не взирая на встрѣчные потоки шелока и мыльной воды, которыми ихъ обдали и угрозы вальками со стороны прачекъ, атака была доведена до конца, такъ какъ штыки вонзились въ тюки съ мокрымъ бѣльемъ. Отбой уже проиграли, но за задворками его не было слышно. Прибѣжавшіе ротный командиръ Алексопуло и субалтернъ Дударовъ насилу водворили по рядокъ фухтелями и отборными доводами на кадетскомъ жаргонѣ. Но загнипотизированные захватостью атаки, „маки“ одобряемые „закалами“ (буянами средняго возраста) не чувствовали никакихъ угрызений совѣсти и съ радостнымъ ура возвращались на плацъ; и сугубо они были правы: и долгъ службы и великій князь смотрѣли на ихъ подвиги. Когда же Его

Высочество, заканчивая смотръ, съ улыбкой похвалилъ ихъ словами: „молодцы стрѣлки“, восторгу дѣтскому не видѣлось предѣла, летѣли каски вверхъ, а непрерывное „ура“ перекатывалось со всѣхъ сторонъ вокругъ коляски, отъѣзжающаго Наслѣдника Цесаревича.

А. Безгинъ.

II.

„Гляди глазами, да не тронь руками.

Сказалъ бы еще сказку—да дома забылъ“.

„Ис полла эти Деспота“.—Громовымъ раскатомъ этихъ словъ встрѣтили кадеты орловскаго Бахтина кадетскаго корпуса, преосвященнаго Поликарпа, епископа орловскаго и сѣвскаго, весною 1864 года, когда онъ вошелъ въ столовую корпуса; и вотъ по какому случаю: въ корпусѣ былъ бунтъ. Основанія такъ называемыхъ бунтовъ были всегда одни и тѣ же: на дневное прокормленіе, какъ казенокоштныхъ, такъ и своекоштныхъ воспитанниковъ корпуса, полагалось тогда одиннадцать копеекъ, а на всѣхъ четырехста кадетъ—сорокъ четыре рубля въ день; и на эту сумму требовалось, не только накормить всѣ страусовы желудки кадетскіе, но и сберечь малую толику на ублагодвореніе обширныхъ діафрагмъ корпуснаго эконома Куликова и его помощника (Аппендицита) *). Когда послѣ сервированія на первое блюдо обѣда картофельной похлебки, на второе подавались три лота, вываренной изъ похлебки говядины, приправленной болтушкой (хрѣнь съ мукой), а на третье давалась размазня съ кубическимъ сантиметромъ коровьяго масла (на порцію полагался ку-

*) За точность послѣдней фамиліи не ручаемся.
Прим. автора.

бическій вершокъ), то кадеты всегда требовали въ столовую эконома для „выжиманія изъ него масла“ (его всей толпой придавливали къ стѣнѣ, вынуждая къ уступкамъ вродѣ—выдачи лишнихъ леклевашекъ къ вечернему чаю, замѣнявшему собой ужинъ). Но если экономъ или его замѣститель, изъ боязни заворота кишекъ, удирали, то начиналось топанье ногами въ столовой всѣми кадетами, за исключеніемъ стоящихъ ближе къ начальству. Этимъ и выражался бунтъ. Иногда бунтъ ограничивался минутнымъ топаньемъ; но при сильномъ негодованіи кадетъ на пищу св. Антонія, бывали случаи, что бунтъ продолжался довольно долго, раздражаясь въ нервное и истерическое топанье вродѣ пляски святого Витта, какъ это имѣло мѣсто въ данномъ случаѣ; дѣяніе, до такой степени повліявшее на самихъ наставниковъ, что рѣшили прибѣгнуть чуть ли не къ заклинаніямъ. Упросили преосвященнаго Поликарпа, ѣхавшаго на торжественное молебствіе по случаю открытія въ Орлѣ Александринскаго института благородныхъ дѣвицъ, заѣхать въ корпусъ и нравственной мощью повліять на строптивыхъ кадетъ. Пока шли переговоры, кадеты уже успѣли прійти въ достодолжное самочувствіе. Преосвященный заѣхалъ и вошелъ въ залъ, благословляя пространство. Кадетамъ это понравилось и они рявкнули упомянутое „Исполла! эти Деспота“.

Владыко началъ рѣчь на тему сожалѣнія объ уничтоженныхъ тѣлесныхъ наказанійхъ: „у насъ въ семинаріи за это бывало

елицы по . . . ацѣ“. На эти слова кадеты разомъ гаркнули гомерическое: „Го, го, го. . .“ да не басами, а такой октавой, что только послышалась одна буква „р. р. р...“.

Владыко, недовольный, поспѣшилъ уѣхать въ институтъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что его давно тамъ ожидаютъ.

Неизвѣстно, повліяло ли кадетское „Го. го. го. . .“ на архіерея, только проповѣдь его въ институтѣ была сугубымъ бичеваніемъ какъ порсковъ, такъ и сродныхъ имъ свѣтскихъ развлеченій и въ особенности танцевъ. А какъ на зло вечеромъ былъ назначенъ въ институтѣ балъ и еще накануне родственникамъ институтокъ были разосланы пригласительные билеты.

Съ каждымъ подъемомъ интонаціи въ проповѣди орловскаго Саванароллы у начальницы института усиливалось дрожаніе фибръ и дѣлались спазмы въ горлѣ. Какъ! она вновь назначенная начальница, вновь открываемаго института, могла поступить такъ опрометчиво, чтобъ назначить балъ!

Едва окончилось окропленіе дортуаровъ, какъ смущеннымъ класснымъ дамамъ и институткамъ было объявлено, что балъ отмѣняется. Насилу, насилу, нѣкоторыя изъ нихъ успѣли вставить резонъ, что Владыко можетъ и смилостивиться, а обиженные родственники—никогда. Поэтому рѣшили повычеркивать приглашенія только всѣхъ двоюродныхъ и троюродныхъ кузеновъ, оставивъ въ силѣ приглашенія родныхъ братьевъ, которые изъ кадетъ имѣлись почти у всѣхъ институтокъ, а самое

приглашеніе переименовали не „на балъ“, а „на чашку бульона“.

Первая станція за Орломъ по московско-курской желѣзной дорогѣ—Становой Холодезь отмѣтилась только тѣмъ, что въ 1874 году у самой платформы этой станціи лопнулъ котель товарнаго паровоза и разорвался на тысячу мелкихъ частей, разлетѣвшихся во всѣ стороны радиусомъ до версты, при чемъ было убито одиннадцать человекъ, въ томъ числѣ и начальникъ станціи, на глазахъ своей невѣсты, свадьба которыхъ назначена была на слѣдующій день.

Станція Понеры поставляетъ пассажировъ для Малоархангельска и для малоархангельскаго уѣзда до самой Колпны, если кто не желаетъ проѣхать кружнымъ путемъ на Курскъ и Охочевку. Близъ Колпны проживалъ въ своемъ имѣніи бывший морякъ Нилъ Парменовичъ Каширининовъ. Въ семидесятыхъ годахъ съ нимъ приключился казусъ, который, если-бъ произошелъ въ Испаніи лѣтъ двѣсти назадъ, могъ довести его до ауто-да-фе. Въ усадьбѣ Каширининова, въ углу его кабинета, стоялъ гипсовый Мефистофель, величиной безъ малаго въ чело-вѣческой ростъ. По какому то случаю въ домѣ служили молебень; послѣ осѣненія крестомъ, батюшка проходилъ по комнатѣ съ кропиломъ, да по слѣпотѣ ли или по недоразумѣнію, онъ принялъ статую Мефистофеля за Моисея, а рожки за лучистое сіяніе и окропилъ его св. водой. Говорятъ, что за это губернская консисторія задала

порядкомъ Каширининову du fil à retordre Н. П. Каширининовъ умеръ въ 1900 году въ Севастополѣ въ гостиницѣ Кистъ, возвращаясь изъ Ялты больнымъ въ свое малоархангельское имѣніе.

Въ малоархангельскомъ уѣздѣ съ тридцатыхъ до семидесятыхъ годовъ одной изъ самыхъ крупныхъ охотъ (не по качеству, а по количеству) была охота землевладѣльца Ивана Михайловича Казакова*); такъ какъ при выѣздахъ его въ отъѣзжее поле по Орловской и Курской губерніямъ, къ нему присоединялось много охотниковъ, какъ ружейныхъ, такъ и борзятниковъ, равно какъ и съ гончими. По охотничьимъ правиламъ—охотничья дача никогда не занималась одновременно двумя охотами, но если возникали пререканія о томъ, кто первый „забросилъ гончихъ въ островъ“, то во избѣжаніе столкновеній обращались къ третейскому суду на мѣстѣ. Разъ при подобныхъ обстоятельствахъ, еще въ сороковыхъ годахъ, встрѣтились двѣ охоты—И. М. Казакова и владѣльца извѣстнаго селенія Шаблыкино, карачевского уѣзда, Николая Васильевича Кирѣевского. Оба пользовались почетомъ, оба предводители дворянства и оба были вер-хами съ заряженными двустволками въ рукахъ и со взведенными курками. Только небольшой ручей раздѣлялъ обоихъ противниковъ. Направивъ дула ружей другъ на друга, они оба простояли нѣ-

*) Часть записокъ Казакова: „Походъ во Францію 1814 года“, помѣщена въ мартовской и майской книжкахъ „Русской Старины“ за 1908 годъ.

сколько минутъ въ раздумьи, послѣ чего молча повернули коней назадъ и каждый изъ нихъ далъ приказаніе своей охотѣ выходить изъ острова. Вѣроятно вспомнили, что они кумовья и рѣшили разъѣхаться. (Н. В. Кирѣевскій былъ крестнымъ отцемъ сына И. М. Казакова—Петра Ивановича).

Въ сентябрѣ 1874 года въ селеніи Понырахъ близъ одноименной станціи, ночью отъ поджога загорѣлся дворъ, въ которомъ помѣщалась охота Ивана Михайловича Казакова—сгорѣли всѣ экипажи, до тридцати лошадей и безъ малаго сотча собакъ. Кромѣ того сгорѣло личное имущество многихъ охотниковъ и пропало у Казакова нѣсколько тысячъ рублей (украли). Собранная вновь той же осенью охота, была набрана, что называется, съ бору да съ сосенки, и уже до самой смерти И. М. Казакова въ 1883 году, качественно и количественно не достигала силы и значенія прежней. Да и вообще послѣ отмены крѣпостного права и высыханія болотъ отъ порубки лѣсовъ, отъѣзжія охоты стали сокращаться.

По пословицѣ:—языкъ до Кіева доведетъ,—пришлось туда направляться.

По линіи курско-кіевской желѣзной дороги, до самага Днѣпра не встрѣчается красивыхъ мѣстностей. Кто желаетъ любоваться видами, можетъ свернуть направо къ долинамъ рѣкъ Сейма и Десны и проѣхавъ нѣсколько верстъ, въ зной—сыпучими песками, а въ ненастье—топкими болотами—очутиться въ Путивлѣ, Батури-

нѣ или Рыхловскомъ монастырѣ; а любитель дикихъ лѣсныхъ чащъ пусть ѣдетъ по крелевецкому уѣзду отъ этого монастыря на Понорницу, Покошичи и далѣе въ новгородъ-сѣверскій уѣздъ, пока узкоколейныя желѣзныя дороги, проведенныя въ послѣднее десятилѣтіе по Черниговской губерніи, не свели на нѣтъ тамъ всякую растительность. Цѣнителямъ же прилизанныхъ и причесанныхъ человѣческимъ трудолюбіемъ мѣстностей можно рекомендовать въ борзенскомъ уѣздѣ селеніе Каченовку, на границѣ прилуцкаго уѣзда близъ Парфіевского сахарнаго завода. Не знаю какъ теперь, при новыхъ владѣльцахъ (кажется Харитоненко или князь Урусовъ) но лѣтъ пятнадцать назадъ, когда Каченовка принадлежала извѣстному украинофилу, коллекціонеру украинскіхъ древностей и взятому поклоннику поэта Т. Г. Шевченка, Василію Васильевичу Тарновскому, можно было встрѣтить тамъ много курьезнаго и оригинальнаго. Обширный паркъ съ искусственными развалинами и гротами, какихъ то подобій аббатствъ, были предметами особой заботливости Василія Васильевича Тарновскаго, до такой степени щепетильнаго къ своимъ затѣямъ, что когда однажды въ паркъ вторглось многочисленное стадо тирольскихъ коровъ, опекаемыхъ супругой Василія Васильевича,—Софіей Васильевной Тарновской, то Василій Васильевичъ, не долго думая, тутъ же въ паркѣ выстрѣлами изъ ружья уложилъ нѣсколько коровъ. На широкомъ пруду плавали, если не ошибаюсь, двѣ „чайки“.

по образцу запорожскихъ ладей, заказанныхъ и привезенныхъ В. В. Тарновскимъ изъ Хортицы. При входѣ изъ вестибюля дома, налѣво, первой обширной залой была гетманская галлерейя съ портретами всѣхъ гетмановъ Малороссіи. Затѣмъ спеціально портретная гетмана Ивана Степановича Мазепы и комната живописи Т. Г. Шевченка. Имѣлся также музей казачьихъ и малороссійскихъ древностей со стѣнами изъ красныхъ изразцовъ. Тутъ было развѣшено оружіе, разложены сѣдла и конскіе уборы. Здѣсь же хранились и гетманскіе булавы, въ числѣ коихъ Василій Васильевичъ показывалъ серебрянную булаву гетмана Сагайдачнаго съ художественной чеканкой фигуръ, за которую В. В. Тарновскій заплатилъ тысячу двѣсти рублей, между тѣмъ, какъ рассказывалъ самъ Василій Васильевичъ—она сдѣлана была на заказъ агентами „черной банды“ *) спеціально для него и обошлась имъ съ матеріаломъ и работою всего двѣсти рублей; о чемъ Василій Васильевичъ узналъ случайно и много лѣтъ спустя послѣ покупки.

Все, что находилъ для себя интереснымъ, Василій Васильевичъ скупалъ у антикваріевъ, которые иногда пользовались его довѣрчивостью.

Такъ, однажды на вопросъ, обращенный къ Акиму Золотницкому, сыну извѣстнаго въ Кіевѣ антикварія Абрама З.—„правда ли, что вы продали Василію Васильевичу за пятьдесятъ рублей бутылку изъ подъ

*) Поддѣльватели древностей.

водки съ фигурой медвѣдя, якобы какъ ковшъ, употреблявшійся при выпивкѣ запорожцевъ,“ послѣдній отвѣтилъ: „да, правда, но мы сами не знали, что за сосудъ отпустили Тарновскому приказчики изъ магазина, но когда узнали, что это не особенно рѣдкостная бутылка, то тотчасъ же возвратили ему сами, изъ этихъ денегъ двадцать пять рублей“.

У В. В. Тарновскаго былъ неразлучный съ нимъ гайдукъ Маркъ, похожій на Василія Васильевича какъ двѣ капли воды. Маркъ всегда носилъ форму гайдука—родъ одежды стараго казачьяго покроя, и если В. В. Тарновскій, что случалось впрочемъ очень рѣдко, надѣвалъ свой гетманскій кунтушъ, то его съ Маркомъ почти невозможно было отличить. На вопросъ обращенный однажды къ Марку о томъ, какая причина триглашенія въ нѣжинскій клубъ Василіемъ Васильевичемъ и Софіей Васильевной Тарновскими чуть не поль города на обѣдъ, Маркъ горделиво отвѣтилъ: „Мы больше не предводители“, (подразумѣвая, что В. В. Тарновскій отказался отъ должности Борзенскаго уѣзднаго предводителя дворянства и поэтому приглашалъ дворянъ и чиновниковъ почтить его добровольную отставку).

Въ городѣ Нѣжинѣ, славящемся своими солеными огурцами, торгующіе греки еще со зременъ Богдана Хмельницкаго пользовались разными привиллегіями, а при Ека-теринѣ II получили свой спеціальнй магистратъ. Въ 1870 году греческій магистратъ былъ распушенъ, а зданіе въ ко-

торомъ онъ находился было обращено подъ помѣщеніе для уѣзднаго казначейства. Кромѣ стѣнъ двухъ-аршинной толщины, да желѣзныхъ рѣшетокъ въ окнахъ, нѣжинскій магистратъ оставилъ въ наслѣдство казначейству замѣчательную коллекцію художественно исполненныхъ поясныхъ портретовъ въ натуральную величину всѣхъ царствовавшихъ особъ русской Императорской Фамиліи, начиная съ Петра Великаго. Каждый портретъ могъ считаться уникальной, такъ какъ, будучи схожъ съ оригинальными изображеніями на другихъ извѣстныхъ портретахъ, тѣмъ не менѣе выдавался своеобразными чертами. Особой выработкой выраженій отличались портреты Петра Великаго, Екатерины I и Императрицы Елисаветы Петровны; но перломъ всѣхъ художественныхъ шедевровъ долженъ считаться портретъ Императора Павла I, вѣроятно писанный между 1778—1780 годами, когда Павлу Петровичу было не менѣе 23 и не болѣе 25 лѣтъ, въ красной мантии съ горностаевой опушкой. Семейное сходство на портретѣ, хотя и сохранилось, но выраженіе глазъ, смѣлое, пронизательное, безъ всякой горделивой запуганности, какая встрѣчается на остальныхъ, гдѣ либо виданныхъ портретахъ Императора Павла, дѣйствуетъ гипнотически-обаятельно. Обаяніе это вѣроятно испытывали многіе, такъ какъ не даромъ, въ половинѣ девяностыхъ годовъ, въ первые годы назначенія своего министромъ финансовъ, С. Ю. Витте, пріѣхавъ въ Нѣжинъ и окинувъ, по выраженію маіора Федотова, „все-

видящимъ окомъ“ нѣжинское казначейство приказалъ сдѣлать немедленную сортировку портретовъ, въ томъ числѣ и портрета Императора Павла..... *Je prend mon bien partout où je le trouve...*

И нѣжинскій греческій магистратъ окончательно спѣлъ тогда свою лебединую пѣснь.

Въ центрѣ города Нѣжина есть небольшой скверъ, посрединѣ котораго въ 1881 году сооруженъ памятникъ Гоголю работы скульптора Пармена Петровича Забѣлла. Памятникъ изображается массивнымъ бюстомъ Гоголя изъ бронзы; постаментъ облицованъ чернымъ мраморомъ, на которомъ высѣчены слова поэта о невидимыхъ міру слезахъ; цоколь и ступеньки фундамента—гранитные.

Въ 1882 году, прогуливаясь вокругъ памятника, я прочелъ на гранитномъ основаніи тыльной стороны, кѣмъ то писанныя карандашемъ замѣтки, которыя я списалъ для себя и которыя теперь припоминаю по поводу чествованія столѣнія рожденія Гоголя, имѣя въ виду, что за двадцать семь лѣтъ прошла всякая литературная отвѣтственность за плагиатъ и что никто не помѣщаль въ печати этихъ замѣтокъ. Вотъ они:

„Размышленія передъ памятникомъ Гоголя въ Нѣжинскомъ скверѣ спустя годъ послѣ его открытія:“

„Прошелъ ужъ годъ. Поэтъ уныло,
Средь садика, потуя взоръ
Стоитъ. Не рвется на просторъ
Талантъ могучій. Все что было
Когда то въ немъ и жизнь и умъ—
Профанъ на бронзѣ не отыщеть;

Но тотъ, кто въ памятникѣ ищетъ
Осуществленья своихъ думъ
Иначе взглянетъ: онъ пойметъ
Что мыслить монументъ безмолвный.
И почему сатиры полный
Взглядъ съ пьедестала ему шлетъ.
Онъ говоритъ: „къ чему вы люди—
Подобія тѣхъ мертвыхъ душъ,
Что мракъ развитія и глушь,
Изобразилъ я здѣсь прелюдій
Къ чему вы праздною толпой
Безъ цѣли, дѣла, безъ надежды
Преобразиться изъ невѣжды,
Развитьемъ замѣнить застою
Лѣниво бродите по скверу.....“

А. Безгинъ.

III.

Бѣшено мчится чудовищный поѣздъ,
Фыркая, огонь извергая, пыхтя;
Стелется лентой гигантскою поясъ
Прямо въ долину Днѣпра.
Вотъ Бровары—лѣсъ дремучій встревожень.
Мигомъ сверкнули золотыя главы,
Мостъ и утесы, гдѣ тамъ расположенъ
Сказочный городъ Бовы.
Вечеръ; стемнѣло; театръ нынче полонъ:
Верди Травіату на сценѣ даютъ.
Кордебалетъ вылетаетъ весь голый,
Хоромъ артисты поютъ.
Нѣжинъ проснись! и отбрось ты рутину,
Къ чорту отправь то, что скажетъ твоей свѣтъ.
Хочешь ты чудную видѣть картину?
Дай поскорѣ отвѣтъ.

Этими шестнадцатью строчками 7-го февраля 1896 года звалъ я своего пріятеля ѣхать изъ Нѣжина въ Кіевъ. Но пріятель все колебался, я же спѣшилъ къ скорому поѣзду на вокзалъ. Только вмѣсто пріятеля я встрѣтилъ тамъ унику, потерянную Россіей вмѣстѣ съ адмираломъ Макаровымъ 31-го марта 1904 г. на броненосцѣ „Петропавловскъ“.

Изъ купѣ вагона 2-го класса, въ которомъ я сталъ размѣщаться, выходилъ высокаго роста господинъ, съ длинной бородой, въ сѣромъ пиджакѣ, въ петличкѣ котораго висѣлъ приколотый офицерскій Георгій. Хотя господина я видѣлъ впервые, но узналъ въ немъ—по портретамъ, распространеннымъ въ журналахъ—оригинальнѣйшаго живописца нашего времени Василя Васильевича Верещагина. На ди-

ванъ лежала книга. Для контроля своихъ предположеній посмотрѣлъ, оказалась французская: „Наполеонъ I, Фридриха Массона“. Вспомнилъ, что Верещагинъ перевезъ изъ Харькова въ Кіевъ выставку своей Наполеоновской эпопеи 1812 года *). Ну несомнѣнно онъ: надо воспользоваться случаемъ заговорить.

Когда онъ возвратился въ купэ и сѣлъ я тотчасъ обратился къ нему:

— Позвольте васъ спросить, вы не Василий Васильевичъ? „Да, Верещагинъ, я самый, но почему вы меня знаете?“ Я отвѣтилъ:—Узналъ васъ по тремъ примѣтамъ:—популярное лицо съ бородой, крестъ и книга Массона о Наполеонѣ. Разговорились дальше. Я не успѣвалъ задавать вопросы, какъ получалъ массу интересныхъ отвѣтовъ на каждый. Прежде всего меня интересовала судьба его картинъ Индіи и его полотень изъ Русско-Турецкой войны, которыя я видѣлъ на выставкѣ 1880 года въ Спб. на Фонтанкѣ и большинство которыхъ, какъ онъ подтвердилъ, продано въ Нью-Йоркѣ, вмѣстѣ съ Палестинскими картинами, видѣть которыхъ мнѣ не удалось, такъ какъ въ Россіи ихъ не выставляли, но о которыхъ Василий Васильевичъ мнѣ рассказалъ много новаго и оригинальнаго. Затѣмъ перевели разговоръ на выставку его историческихъ картинъ 1812 года, а такъ какъ, не видавъ ее, я не могъ еще высказать ему своего впечатлѣнія, то стали разсуждать о самомъ Наполеонѣ: о

*) Нынѣ эти картины—въ музей Александра III въ Спб.

причинѣ ослабленія его энергіи въ кампаніи 1812 года, когда ему исполнилось сорокъ три года. При чемъ въ книжкѣ своей, подъ названіемъ 1812 годъ, изданной въ 1895 году В. В. Верещагинъ цитируетъ 62 источника, на основаніи коихъ она составлена, и почти во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ, есть ссылки либо на тѣ, либо другія болѣзненные состоянія Наполеона I, влиявшія на его тактическія распоряженія.

Здѣсь позволю себѣ отступленіе: какъ ни разнообразны въ этихъ источникахъ указанія на причины болѣзненности императора Наполеона, по достиженіи имъ сорокалѣтняго возраста, но ни въ одномъ изъ этихъ сочиненій не встрѣчалось такихъ новыхъ оригинальныхъ указаній, какія встрѣчаются въ статьѣ доктора Кабанеса, въ апрѣльской книжкѣ журнала „La Revue“ № 8 за текущій 1909 годъ подъ заглавіемъ: „Былъ-ли Наполеонъ боленъ при Ватерло“. Въ этой же статьѣ приводятся, между прочимъ, слова, сказанныя Наполеономъ во время Аустерлицкаго сраженія 1805 года: „Генераль Орденеръ изношенный человекъ (usé); для войны есть извѣстный возрастъ. Съ меня хватитъ еще лѣтъ на шесть; послѣ чего я самъ долженъ буду забастовать“. Бородино—въ кампаніи 1812 года и Ватерло въ 1815 году, повидимому подтвердили этотъ пророческій приговоръ Наполеона I надъ другими и самимъ собою.

Въ разговорахъ незамѣтно доѣхали до Кіева. На послѣдній вопросъ къ В. В. Верещагину о причинѣ ссоры его съ извѣст-

нымъ русскимъ журналистомъ, нажившимъ на газетѣ миллионы—Василій Василевичъ упомянувъ поговорку: *cherchez la femme*, рассказалъ слѣдующее. Это было въ восьмидесятихъ годахъ. Вдовецъ журналистъ уже сѣдѣющимъ вступивъ во второй бракъ, сидѣлъ въ Парижѣ съ молодой женой въ какомъ-то кафе. Въ томъ-же кафе, спиною къ нимъ, и ихъ не замѣчая, сидѣлъ художникъ Верещагинъ. По предположенію, что онъ умышленно не поклонился новобрачной, произошло короткое объясненіе, въ которомъ художникъ, изъ самолюбія не пожелалъ оправдаться. Послѣдовалъ разрывъ; и съ тѣхъ поръ, до самой смерти художника, газета стала замалчивать о немъ.—Вѣрите-ли, что съ моей стороны никакого умысла не было, добавилъ Василій Васильевичъ, вѣдь не могъ-же я просить извиненія въ томъ, въ чемъ не былъ виноватъ“.

* * *

Прочитавъ въ одномъ изъ послѣднихъ фельетоновъ № 11889 „Новаго Времени“ въ письмахъ къ ближнимъ Меншикова статью подъ заглавіемъ: „Петля и розга“, въ которой Меншиковъ, рекомендуя вновь ввести въ употребленіе розги для учащихся, заканчиваетъ ее выраженіемъ: „Вынувъ изъ рукъ власти розгу, вложили въ руки многимъ злодѣямъ ножъ“; какъ разъ припоминаю случай, происшедшій въ Ямской слободѣ города Курска 24 августа 1869 года. Я былъ тогда въ чинѣ поручика командированъ изъ Чугуева на два года въ переменный составъ учебнаго кавалерій-

скаго эскадрона, расположеннаго въ Селищенскихъ казармахъ на рѣкѣ Волховѣ и велъ туда сборную команду вице-унтеръ-офицеровъ изъ шести полковъ 5-й кавалерійской дивизіи. Курско-харьково-азовская желѣзная дорога только что открывалась; такъ, что до Курска команда въ двадцать человекъ ѣхала на обывательскихъ подводахъ. По открытому листу волостное начальство расквартировало команду въ Ямской. Собирая своихъ людей, не задолго до отправки на поѣздъ, я услышалъ крики и стоны въ волостномъ правленіи. Со старшимъ гусаромъ 9 Кіевскаго полка Живонымъ, котораго я послалъ узнать въ чемъ дѣло, побѣжали съ моего разрѣшенія еще два гусара: Бѣляковъ и Маковецкій и три улана 9-го Бугскаго полка: Майборода, Ейбогу и Перебейность; и возвратясь доложили, что въ волости сѣкли семидесятилѣтняго старика за непочтительность къ своему отцу и по просьбѣ послѣдняго, которому было за сто лѣтъ. При этомъ двое изъ команды видѣли какъ послѣ экзекуціи, наказуемый сдѣлалъ петлю и собирался удавиться не желая переносить срама. Но его до этого не допустили.

Меншиковъ пишетъ въ томъ же фельетонѣ: „Среди почтенныхъ старцевъ нашей высшей палаты (Государственный Совѣтъ) есть не мало такихъ, которые въ дѣтствѣ подвергались извѣстной операци. Не только среди старцевъ—еще можно встрѣтить престарѣлыхъ, прекрасно воспитанныхъ дамъ, которыхъ сѣкли въ инсти-

тутахъ, — даже такомъ аристократическомъ, каковъ Смольный*. Не знаю какъ въ Смольномъ, но въ военно-учебныхъ заведеніяхъ тѣлесныя наказанія, отмѣненныя закономъ въ 1864 году. — благодаря распоряженіямъ бывшаго тогда военнаго министра, нынѣ фельдмаршала графа Милютина и давно умершаго главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній генерала Исакова — фактически уже не примѣнялись послѣ отмѣны крѣпостнаго права, т. е. съ 1861 г., по крайней мѣрѣ въ орловск. кадет. корпусѣ. Отмѣна розогъ была вызвана не одной гуманностью, какъ пишетъ Меншиковъ, а главнымъ образомъ изъ-за часто несправедливыхъ и произвольныхъ примѣненій ихъ, такъ какъ порки практиковались усиленно въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ лица облеченныя властью ихъ приводить въ исполненіе были садистами. Тѣлесныя наказанія примѣнялись ими, по самымъ ничтожнымъ поводамъ, не для исправленія юношей, а для собственнаго удовольствія извращеннаго мозга! и всякій добровольно смотрѣвшій на такія экзекуціи былъ несомнѣнно либо палачъ въ миниатюрѣ, либо невротатъ въ родѣ маршала Жиль-де-Рець или маркиза де-Садъ. Вѣдь не всѣ же не поротые взяли въ руки ножъ — иные пошли въ Азефы, а другіе въ Пинкертонъ; ножи же взяли преимущественно жители кавказскихъ горъ и Закавказья, а вѣдь у нихъ розги раньше никогда не практиковались, какъ и не практиковались они и среди мусульманскаго населенія Средней Азіи; почему же такую при-

вилегію, какъ введеніе вновь тѣлесныхъ наказаній Меншиковъ рекомендуетъ преимущественно для учащихъ славянъ, лишая этого удовольствія некультурныхъ инородцевъ. Ужъ не достигъ ли онъ самъ метаморфозы тѣхъ почтенныхъ старцевъ, про которыхъ говорятъ: „сей возрастъ жалости не знаетъ“.

* * *

Курскъ — хотя въ немъ есть и электрической трамвай, — имѣетъ видъ города еще не вполне оправившагося послѣ погрома отъ татарскаго нашествія въ тринадцатомъ столѣтіи: то пыль, то грязь, отсутствіе заборовъ и оградъ, гдѣ они нужны, присутствіе ихъ тамъ, гдѣ ихъ не надо, лишаютъ городъ жизнерадостнаго вида.

Курскъ процвѣталъ въ дореформенное время, когда гремѣла знаменитая въ помѣщичьихъ лѣтописяхъ Коренная ярмарка въ 27 верстахъ отъ Курска при Богородицко-Знаменскомъ монастырѣ. Нѣсколько тысячъ помѣщиковъ имѣли въ Коренной свои лавки-балаганы, гдѣ производилась мѣновая торговля на цѣлый годъ, при благосклонномъ участіи цыганъ, начиная отъ коней со смоляными зубами, кашмировыхъ шалей, лубочныхъ картинъ и т. п., — до живыхъ человѣческихъ душъ, съ метампсихозой ихъ по купчимъ крѣпостямъ.

Вокзальный буфетъ въ Курскѣ, куда лучше орловскаго, его съ незапамятныхъ временъ содержать потомки Тамерлана, родомъ изъ Касимова. Послѣ сверженія татарскаго ига, за ними осталось множество

вокзальных буфетовъ; и по правдѣ сказать у нихъ и лучше и чище...

Въ Харьковѣ „цивилизация“ выражается яснѣе: здѣсь главный жирный монголь умѣетъ изъясняться и по-французски и по-нѣмецки, съ примѣсью англійскихъ фразъ. — Да гдѣ вы этому научились. — Наслышались отъ проѣзжающихъ иностранцевъ“.

Сорокъ пять лѣтъ назадъ, когда Россія едва выходила изъ кочевого состоянія, во времена многомиліонныхъ степныхъ отаръ — „шленокъ“, „шпанокъ“ и простыхъ овецъ; и когда Харьковъ не былъ окруженъ поясомъ дымогарныхъ трубъ, онъ казался куда интереснѣе, проще и чище нынѣшняго. Тогда не существовало двупарныхъ клячь ни на извозчикахъ, ни на трамваяхъ, а были лишь одни „ваньки“. „Ванько“, производное отъ Иванъ, имѣетъ свой глаголь. На вопросъ, обращенный къ нанимающей-ся кухаркѣ — чѣмъ занимается вашъ мужъ? отвѣчаетъ: „ванькуетъ“. Рекомендую всѣмъ проѣзжающимъ впервые въ Харьковъ ни когда не звать одноконку „извозчикомъ“ — это оскорбленіе, за которое ванько можетъ потянуть въ судъ — „здѣсь нѣтъ извозчиковъ, здѣсь только ваньки“. Въ послѣднее время извозчики (пароконные) отдали ванькамъ (одноконнымъ) своихъ лошадей, а ваньки имъ великодушно своихъ клячь. Такъ, что теперь ваньки ѣздятъ быстрѣе, по таксъ вдвое дешевле, да и покойнѣе извозчиковъ, въ виду того, что ширина хода которой ими принято ѣздить вдоль и поперекъ Харькова, по главнымъ его ар-

теріямъ — Екатеринославской, Сумской, Московской и Старо-Московской улицамъ, пересѣкая воображаемая рѣчки: Лопань, Харьковъ, Нетечь и Немышлю, теряющихъ свои названія и послѣднюю влагу въ лескахъ экспроприаторской окраины Харькова — Москалевкѣ.

Не безъ вліянія на судьбы современнаго Харькова, оказываютъ толлы студентовъ, маячущихъ по Сумской, сборный пунктъ которыхъ, во время внѣшнихъ или внутреннихъ непогодъ — перронъ театра и университетскій садъ.

Ровно десять лѣтъ назадъ, весною 1899 г. въ Харьковѣ была студенческая „обструкція“ университета и всѣхъ институтовъ, а такъ какъ четвероногіе считаются друзьями двуногихъ, то забастовавшие студенты ветеринарнаго института сочли долгомъ пригласить къ участію въ забастовкѣ и скотовъ — попросту — выгнали изъ лазарета института больныхъ или бывшихъ на вивисекціи животныхъ. И многимъ пришлось быть свидѣтелями, никогда, ни раньше, ни позже, не виданной процессіи, какъ шествовали по Сумской съ причитаніями свойственными каждому животному, больныя: кошки, собаки, лошади, коровы, куры, свиньи и индюки, которыхъ плетками гнали по улицѣ студенты-ветеринары.

Въ 1898 году, пріѣхавъ по „Балашевкѣ“ въ Чугуевъ, захотѣлъ розыскать домъ извѣстный въ 1868 году всѣмъ военнымъ въ то время чугуевцамъ — „Рѣпчихи“. Рѣпчиха, симпатичная пожилая вдова аракче-

евскаго поселенца, давала у себя на дому обѣды, беря съ офицеровъ по 8 рублей въ мѣсяць. Не считая, что обѣды были на два рубля дешевле чѣмъ въ клубѣ Гончарова, по вкусу они были безподобны — сытны и вкусны. У Рѣпчихи былъ сынъ подростокъ, обучавшійся ретушерству у мѣстнаго фотографа. Однажды, въ отсутствіе сына [въ 1868 г.), просматривая его фотографическіе картонны, я увидѣлъ эскизы гравюръ и обрывки работъ масляными красками, поражающихъ своимъ художественнымъ исполненіемъ. — Это откуда у васъ? обратился я къ Рѣпчихѣ. „А это мой старшій сынъ рисуетъ въ Петербургѣ; говорятъ хорошо рисуетъ, потому, что даже начальство въ школѣ его хвалить“. — Да позвольте, говорю, сколько слыхалъ о талантливыхъ художниковъ, но о вашей фамиліи, что то не слыхалъ. Есть схожая съ вашей фамилія, такъ это знаменитый художникъ Рѣпинъ, на-дняхъ окончившій академію художествъ, только, что же онъ имѣетъ съ вами общаго? „Какъ что, вѣдь это мой сынъ Илья Ефимовичъ Рѣпинъ“.

Ровно черезъ тридцать лѣтъ, въ 1898 году—домика Рѣпчихи я уже не нашель: —на томъ мѣстѣ оказался чужой, гдѣ ни о Рѣпчихѣ, ни о самомъ Рѣпинѣ ничего не слыхали.

За Борками направо промелькнулъ Спасовъ скитъ, основанный въ память 17 октября 1888 года. Между Алексѣевкой и Краснопавловкой начинается степная полоса южной Россіи. Плоскость, . хоть ша-

ромъ покати до самаго горизонта, до котораго какъ кажется рукой подать. Ни горки, ни деревца. Балки, если гдѣ и падаются, не видны за общимъ уровнемъ земли; и только одиночные хутора, да парные курганы, нарушаютъ полное однообразіе степи. На непривычныхъ, степь наводитъ уныніе; но стоитъ только попасть весной въ такія поля, гдѣ еще водится цѣлина, на которой пасется гулевой скотъ—и хандра мигомъ пропадаетъ: пестрый душистый коверъ цвѣтовъ поражаетъ разнообразіемъ и красотой; по склонамъ балокъ тянется цѣпкая дереза, и съдой ковыль, подобно германскимъ бунчукамъ развѣвается по волѣ вѣтра, а изъ подъ ногъ то-и-дѣло, выпархиваютъ жаворонки, стрепета; и какъ бы нехотя, лѣниво поднимаются дровы. На курганѣ замигалъ тушканчикъ, а по трещинамъ солончаковъ быстро извиваются ящерицы или черно-желтыя мѣдянки и гадюки.

Но этотъ общій взглядъ на степь можно назвать ретроспективнымъ, такъ какъ теперь участки цѣлины становятся все уже и уже и по облогамъ брошенныхъ запашекъ уже не развѣвается ковыль—съ корнемъ выгложенный плугомъ и овцей.

Какъ образецъ нераціональнаго хозяйства и расовой рутинны можно иллюстрировать слѣдующимъ примѣромъ: лѣтъ семьдесятъ назадъ, на плесахъ Бритая, между селами Лозовой и Надеждино (близъ станцій желѣзной дороги Лозовая и Близнцы) были поселены помещикомъ Николаемъ Васильевичемъ Телепневимъ крестья-

яне изъ Смоленской губерніи и малороссы изъ Полтавской, до самаго послѣдняго времени, живущихъ въ пяти верстахъ другъ отъ друга.

„Москали“ и „хохлы“, не только сохранили каждыя въ отдѣльности свой языкъ, нравы и одежду, но и орудія обработки земли. Обработывая почву въ четыре вершка чернозема на су-пескѣ, хохлы, волосьими плугами выворачивали песокъ въ полъ аршина глубины, въ то время, какъ ненавистные имъ москали, мелкими сошками на слабосильныхъ клячахъ пахали, вѣрнѣе боронили на огинъ вершокъ глубины все одну и ту же землю. У однихъ — верхнимъ слоемъ песокъ — недородъ, у другихъ истощенная сверху земля — неурожай, какъ на своей, такъ и на арендуемой землѣ. Въ результатъ сосѣднія, бывшія помѣщичьи земли скуплены — колонистами нѣмцами.

Но съ открытіемъ желѣзной руды и угольныхъ копей, обложное хозяйство степей Днѣпрово-Донецкаго водораздѣла, уступаетъ мѣсто ископаемой промышленности. И гордая вольная степь Новороссіи остается въ памяти только какъ преданіе у потомковъ тѣхъ казаковъ, прадѣды которыхъ зажигали сигнальные огни на курганахъ при нашествіи крымскихъ и ногайскихъ ордъ.

Въ буфетѣ на Лозовой опять династія Чингизъ Хана и Мамаю.

Въ окрестностяхъ этой станціи проживалъ въ семидесятыхъ годахъ нѣкій дворянинъ Юрковскій — получившій за свой

нравъ кличку: „бичъ Божій“. Юрковскій бѣднякъ, каждыя два или три года получалъ отъ кого либо изъ родныхъ богатѣйшія наслѣдства, немедленно прокучивалъ ихъ, снова зарабатывая хлѣбъ на скрипкѣ; и опять наслѣдуя отъ умершихъ родственниковъ десятки тысячъ онъ вновь прокучивалъ ихъ въ нѣсколько недѣль.

Способовъ прокучивать наслѣдства у Юрковскаго было много и всѣ они великъ одной цѣли; вотъ одинъ примѣръ: толпа нахлѣбниковъ гостей пировала у Юрковскаго — служившій у него не то приказчикомъ, не то приживалкой нѣкто NN, становился въ уголь залы — Юрковскій бралъ бутылку шампанскаго, надрѣзалъ въ ней проволоки и веревки и издали цѣлился въ NN; если пробка отъ раскупорившагося вина вылетѣвъ изъ горла бутылки попадетъ прямо въ носъ NN, то послѣдній получалъ за удачу Юрковскаго сторублевый билетъ; — затѣмъ такимъ же образомъ откупоривалась другая бутылка. Финалъ: теперь NN одинъ изъ самыхъ богатыхъ землевладѣльцевъ между Надеждинымъ и Лозовой — Юрковскій же опять принялся за игру на скрипкѣ и умеръ въ кабакѣ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ.

А. Безгинъ.

IV.

(Замѣтки и воспоминанія.)

Въ вагонѣ между Синельниково и Александровскомъ пассажиры и пассажирки спорили и разсуждали о женскихъ правахъ; одни пытались сдѣлать оцѣнку человѣческаго блага, достижимаго при равноправіи, другіе доказывали, что благополучіе однихъ лицъ устраивается только въ ущербъ другимъ.

„О, тяжела ты жизни ноша!
Легко поднявши, трудно снести:
Хоть силы нѣтъ, какъ нѣтъ и гроша—
Но надо жить,—и надо ѣсть“²⁾.

Кому тяжелѣе „жизни ноша“—мужчинамъ или женщинамъ?—Этотъ вопросъ на вѣянь призывомъ на-дняхъ въ газетахъ къ анкетѣ съ избирательныхъ правакъ женщинъ отъ имени совѣта старшинъ С.-Петербургскаго клуба женской прогрессивной партіи. Въ первомъ пунктѣ этой анкеты дѣлается запросъ къ читателямъ:—„признаете-ли вы желательнымъ и необходимымъ чтобы въ Россіи женщины немедленно получили равныя съ мужчинами избирательныя права?“

Дѣйствительно, нужно-ли вотировать за права женщинъ? Вслею судебъ человѣку опредѣлено имѣть—права и обязанности. Когда еще человѣкообразные троглотиды,

²⁾ Афоризмъ заимствованъ изъ поэмы Бориса Федоровича Захарова:—„Графъ Нулинъ сынъ“. СПб. 1880 г.

съ дубинами въ рукахъ вышли изъ пещеръ вродѣ Инкерманскихъ на первое вѣче и собрались гдѣ нибудь на Сапунъ горѣ, то они, пользуясь силою своихъ мускуловъ и „физиологическимъ слабоуміемъ женщинъ“³⁾, распредѣлили оба условія такъ: себѣ взяли всѣ права, оставивъ женщинамъ однѣ обязанности. И съ тѣхъ временъ, несмотря даже на культъ женщинъ въ Греціи и держаніе мужей женами подъ башмакомъ, женщина всегда оставалась рабою; и рабствомъ своимъ сильно сдвигала намордникъ на ходѣ человѣческаго развитія. Но ни слабость мускуловъ, ни слабость нервовъ не могутъ оправдывать рабства женщинъ, какъ не оправдывалось и возмущало рабство негровъ, пока имъ не дали общечеловѣческихъ правъ.

Вотъ слова одного философа прямо отвѣчающіе на первый пунктъ анкеты о гражданскомъ равноправіи женщинъ⁴⁾:

„Вѣроятно, нѣкогда въ будущемъ, люди станутъ различать два великихъ культурныхъ періода развитія всего человѣчества, при чемъ къ первому, охватывающему многія тысячелѣтія и далеко простирающемуся за наше время, будетъ отнесено то отсталое состояніе, когда женщина находилась еще въ совершенно приниженномъ

³⁾ На дняхъ книгоиздательство „Сфинксъ“ выпустило въ Москвѣ переводъ тенденціозной нѣмецкой книги доктора Мобіуса подъ заглавіемъ: „физиологическое слабоуміе женщины“.

⁴⁾ „Цѣнность жизни“ Дюрингъ (р. 1833 — у. 1902 г.).

положеніи. Граница между этими двумя періодами будетъ тамъ, гдѣ одинаковое право того и другого пола на жизнь окажется не только признаннымъ, но и осуществленнымъ въ дѣйствительности. На дѣлѣ эта задача цивилизаціи вовсе не составляетъ односторонняго вопроса, вопроса только для женщинъ, но сохраняетъ рѣшающее значеніе и для мужчинъ. Цѣнность жизни должна въ высшей степени повыситься, если до 99/100 задерживаемое доселѣ развитіе женскихъ силъ и способностей достигнетъ до возможности исторически свободнаго проявленія. Для примѣра мы напомнимъ лишь о томъ духовномъ приростѣ, который долженъ получиться, какъ результатъ свободнаго существованія женскихъ формъ мысли и чувства, при всестороннемъ участованіи женщинъ во всѣхъ сферахъ жизни. Въ настоящее время едва можно замѣтить даже въ наиболѣе легкихъ родахъ литературы ту независимость, которая ставила бы своей задачей выдвигать впередъ все, что составляетъ соотвѣтственно женственное. И это не удивительно, не смотря на превосходныя творенія, образцы которыхъ дали намъ женщины; ибо одна литература не можетъ показать на первомъ планѣ того, что въ дѣйствительной жизни оказывается еще на заднемъ. Могло ли быть полезнымъ изображеніе любви съ естественной и духовной точки зрѣнія современной женщины, тогда какъ сама она продолжаетъ существовать въ такихъ условіяхъ, кото-

рыя не допускаютъ всей полнотѣ этой стороны жизни сдѣлаться фактомъ даже въ далекомъ будущемъ. Своего рода плѣнь препятствуетъ не только внѣшнимъ проявленіямъ, но и внутренней независимости чувства и воли. Искусственное стѣсненіе духа сильнѣе стѣсненія внѣшняго образа жизни. Если бы женщина нашими современными условіями не была осуждена всѣмъ существомъ своимъ оставаться въ пассивности, то активное развитіе ея природныхъ свойствъ достигло бы такого размѣра, о которомъ въ настоящее время можно лишь съ трудомъ составить себѣ удовлетворительное представленіе. Благодаря такому активному участию женщинъ, исчезъ бы односторонній отпечатокъ, тяготѣющій теперь надъ жизнью и духовной дѣятельностью народовъ. Идеалы перестали бы быть односторонне мужскими; стремленіе же собственно женщинъ не останавливалось бы только на себѣ самомъ, но придавало бы значеніе и идеальному представленію о цѣляхъ личной и общественной жизни. Однако, мы не станемъ изслѣдовать подробнѣе эти надежды будущаго; мы хотимъ лишь напомнить, что значительное измѣненіе, въ смыслѣ болѣе благородной человѣчности, возможно лишь при условіи освобожденія женщинъ отъ существующихъ по настоящее время подчиненія и опеки и представленія имъ одинаковыхъ правъ съ мужчинами“⁵⁾.

⁵⁾ Взято изъ перевода Антоновскаго — философскаго изслѣдованія Е. Дюринга: „цѣнность жизни“ 1892 г.

Но насущные вопросы не мирятся съ одними надеждами на будущее; и пребываніе въ инертномъ состояніи приводитъ къ пессимизму—одинъ русскій писатель еще шестьдесятъ лѣтъ назадъ оправдывалъ стремленіе женщинъ къ нирванѣ и даже рекомендовалъ его; (хотя бы подъ видомъ современнаго употребленія уксусной эссенціи):

..... Ты плачешь! Юныхъ грезъ утрата
Невольню сердце шевелить,
Но въ страхѣ мысль твоя спѣшитъ
Забыться въ образахъ разврата.
—А знаешь что?—Умри скорѣй!
Умри по ранѣе, не жалѣй!
Смерть слово горькое для слуха...
Но развѣ лучше жизни нить?
И знаешь ли, какъ гадко жить,
Голодной, брошенной старухой!“⁶⁾

Въ пути по Крыму.

Проѣхавъ дамбу, отдѣляющую выварки соли отъ болѣе глубокой части Сиваша (Гнилое море), изъ Чонгарскаго полуострова переходятъ въ Крымъ. Пассажиры курьерскаго поѣзда обыкновенно спятъ и только кое-кто просыпается въ Джанкоѣ. Если же кто изъ вагона выйдетъ зѣвать на свѣжій воздухъ, то отъ скуки можетъ считать между рельсами мелкія ракушки, которыми баластированъ весь рельсовый путь степной части полуострова. Еще не доѣзжая Симферополя, интересъ не бывавшихъ въ Крыму пассажировъ возбуждается всякою мелочью. Высовываются въ ок-

⁶⁾ „Ночь“ Н. П. Огаревъ (р. 1813 — у. 1877 г.).

на и начинают спорить, принимая Чатырдагъ и Демерджи за облака или облака за Чатырдагъ. Въ Бахчисараѣ приходятъ въ восторгъ даже отъ больного проказой стараго татарина, продающаго на платформѣ молоко, хотя видъ его у нѣкоторыхъ вызываетъ припадки морской болѣзни. На платформѣ же подъ навѣсомъ продаютъ фрукты и ягоды, мѣняя цѣны для каждаго поѣзда, перестановкѣй ярлыковъ съ цѣной; такъ груша, продаваемая пассажирамъ тихоходныхъ поѣздовъ за двѣ, три копейки, продается при почтовомъ поѣздѣ за десять—пятнадцать копеекъ, а пассажирамъ курьерскаго поѣзда не уступается дешевле тридцати иногда даже пятидесяти копеекъ за штуку. Пройдя же на подъѣздъ станціи, если нѣтъ наблюдающей администраціи, можно тутъ же на улицѣ за гривенникъ купить этихъ грушъ цѣлый десятокъ.

За Бахчисараемъ, который изъ вагона совсѣмъ не виденъ, пассажиры окончательно приковываются къ окнамъ, когда гряда каменныхъ холмовъ прорывается ущельями—рѣки Качи, при Анастасьевскомъ скитѣ и рѣки Бельбека у Сюрени; при широкомъ просвѣтѣ послѣдняго можно видѣть вторую гряду утесовъ Каралева и Кокоса и синѣющей позади нихъ массивъ главнаго хребта Яйлы. Проѣзжая сотни разъ въ вагонѣ мимо Сюрени, находимъ, что лучшей видъ свѣтовыхъ эффектовъ ущелья, бываетъ при восходѣ солнца, когда освѣщенный туманъ долины Бель-

бека (Кокосъ) отливаешь перламутромъ и цвѣтами радуги, а кремальеры Каралезскихъ устоевъ отражаютъ блескъ первыхъ лучей восходящаго солнца. Видъ этотъ напоминаетъ тогда видъ въ ясный день съ военно-грузинской дороги на Девдоракской ледникъ. Правда отраженіе солнечнаго свѣта на Казбекѣ—ослѣпительно, но Казбекъ не всегда и совсѣмъ доступенъ, а дорога Бахчисарай-Кокосъ-Ай-Петри Ялта, обязательно должна быть прослѣдована обывателями Крыма, имѣющими неповрежденные ноги.

За станціей Бельбекъ съ дѣтской беззаботностью переѣзжаютъ Камышовской виадукъ (*Dieu protège les innocents*) и вступаютъ въ такъ называемую „лѣсную дачу Мекензиевыхъ горъ“; здѣсь, кажется, беретъ начало пѣснь: „много ѣздили, ходили, топографы все чертили—на большихъ листахъ. . .“

Въ верстѣ отъ станціи „Мекензиевы горы“ на севастопольскомъ шоссе стоитъ небольшой памятникъ изъ инкерманскаго камня, сооруженный въ память посѣщенія Императоромъ Александромъ II (13 сентября 1855 г.) передовыхъ позицій русскихъ войскъ, расположенныхъ на Сѣверной сторонѣ.

Близъ этого же мѣста ровно годъ передъ тѣмъ 12—13 сентября 1854 года проходили союзныя войска, когда шли послѣ Альминскаго сраженія на южную сторону Севастополя. И тутъ же весной 1856 г. по заключенію перемирія встрѣча-

лись бывшіе враги, заходившіе въ русскій лагерь для выраженія дружескаго расположенія къ русскимъ, одинъ эпизодъ котораго, со словъ моего покойнаго дѣда я здѣсь и привожу:

Разговоръ ратника съ французскимъ егеремъ на Черной рѣчкѣ во время перемирія; сообщенный начальникомъ малоархангельской дружины И. М. Казаковымъ.

Несмотря на кровопролитную войну, между русскимъ солдатомъ и французскимъ, есть какое то дружественное расположеніе, происходящее вѣроятно отъ того, что они понимаютъ свои достоинства, какъ въ военное, такъ и въ мирное время. Когда дѣло дойдетъ до драки, то оба дерутся лихо, а лишь только сраженіе кончилось, готовы опять быть пріятелями.

Послѣ объявленія перемирія любопытно было каждому взглянуть на непріятеля вблизи. Получивъ позволеніе, ратникъ . . . скаго ополченія отправился на Черную рѣчку поглазѣть на французовъ; щеголеватый африканскій егерь пришелъ изъ своего лагеря съ тѣмъ же намѣреніемъ; подходитъ къ ратнику и приложивъ руку къ кепи, сказалъ ему: bonjour camarade (здравствуй товарищъ). Ратникъ кивнувъ головой, отвѣтилъ ему:—здорово мусье, да чему же ты такъ радъ. Подали другъ другу руку и пустились въ разговоръ, каждый по своему, размахивая руками для лучшей передачи своихъ мыслей и рѣчи.

Русскій офицеръ, посланный для наблюденія за порядкомъ, видя эту продѣлку полюбопытствовалъ узнать, какъ и о чемъ они такъ горячо толкуютъ. Подойдя къ нимъ спросилъ француза:

— De quoi est-il question mon brave entre vous deux?—„Mon officier, répondit le chasseur d'Afrique, en faisant le salut militaire, „nous causons amicalement de choses et d'autres“ Je le vois bien mon ami, mais comment faites vous pour vous comprendre?—„Ah! monsieur, c'est si facile, je ne suis pas cuistre comme vous voyez, cependant j'ai été éduqué á Paris et je m'en vante! car je me fais comprendre même par ces butors d'Anglais; comment voulez vous que ce brave russe, qui a de l'esprit comme quatre, soit inférieur à ces rouges! S'il est en défaut, je supplée par des signes et la conversation roule comme le chemin de fer. Par exemple, je lui dis: ami, pourquoi nous battons nous? Dieu dans sa sagesse créa tous les hommes et même ces b... d'anglais, pour peupler la terre, et non pour nous exterminer! Voulant lui faciliter la conception de mon discours, je lui montre primo: sur ma personnalité, puis par mon index sur la sienne et les rouges qui sont la-haut. Le brave homme me comprit tout de suite; car il mit ses deux doigts sous mon nez. Bravo, bravo mon fils le cosaque, lui dis—je, tu as raison:—c'est vrai Dieu créa d'abord les deux Adam et Eve; après quoi je lui

montre avec ma main le ciel et la terre, en lui disant ainsi, qu'il créa aussi tout le monde! Voilà, que mon brave se met à gesticuler comme aux funambules, me montre aussi de la main le ciel et la terre; puis jetant plusieurs fois sa main à droite et à gauche, m'explique par là, que Dieu créa aussi toutes choses tous les animaux et même ces chiens d'anglais. J'ai été tellement enchanté de son esprit et de ses connaissances théologiques, que je lui présentais un verre de cognac, qu'il accepta volontier. Vous voyez donc mon officier, que ce cosaque est homme d'esprit, et que nous nous comprenons parfaitement bien.

(Переводъ А. Б.). Въ чемъ у васъ дѣло, любезный? „Господинъ офицеръ, отвѣтилъ зуавъ, отдавая мнѣ честь, мы дружественно разсуждали о разныхъ предметахъ“.—Я это вижу, мой другъ, но какъ вы дѣлаете, чтобы понимать другъ друга? „Ахъ! сударь, это такъ легко; я не педантъ, какъ вы видите, тѣмъ не менѣе я воспитывался въ Парижѣ, чѣмъ могу похвастаться, такъ, что заставилъ понимать себя даже такими дуралями какъ эти англичане; такъ какъ же вы хотите, чтобы этотъ brave русский, равный по уму четверымъ, уступилъ-бы въ соображеніи этимъ рыжимъ? Если онъ чуть чего не понимаетъ, я дополняю слова зна-

7) Подъ словомъ: „rouges“ одновременно намекается и на красные мундиры англичанъ, и на часто встрѣчаемые рыжіе волосы у лицъ этой національности.

Примѣч. А. Б.

ками, и бесѣда наша катится какъ по желѣзной дорогѣ, на примѣръ, я говорю ему: другъ, зачѣмъ мы деремся? Господь въ премудрости своей, сотворилъ всѣхъ людей и даже этихъ прохвостовъ англичанъ, чтобы населить землю, а не для того, чтобы истреблять другъ друга. Желая облегчить ему пониманіе моей рѣчи, я ему указываю. во-первыхъ, на свою личность, и затѣмъ указательнымъ перстомъ—на него и на тѣхъ рыжихъ, что тамъ на горѣ. Молодчина, видимо тотчасъ же меня понялъ, такъ какъ онъ сунулъ мнѣ два пальца подъ носъ. Bravo, bravo, ты правъ сынъ мой казакъ, говорю я ему—это вѣрно. Богъ сотворилъ сначала обоихъ людей: Адама и Еву; послѣ чего я ему указываю рукой на небо и землю, давая понять этимъ, что онъ создалъ также весь міръ! Тутъ мой молодецъ сталъ размахивать руками какъ акробатъ и показывать мнѣ также небо и землю; послѣ чего нѣсколько разъ вороча рукою направо и налево, онъ объяснилъ мнѣ этимъ, что Богъ создалъ также всѣ предметы, всѣхъ животныхъ, и даже этихъ собакъ англичанъ. Я такъ былъ восхищенъ его умомъ и его богословскими познаніями, что предложилъ ему стаканъ коньяку, которымъ онъ охотно угостился. Вотъ видите господинъ офицеръ, что этотъ казакъ умный человекъ, и что мы другъ друга вполне понимаемъ“.

Офицеръ обратился къ русскому:—Какъ же ты понимаешь, что онъ тебѣ говоритъ? „Ничегось, ваше благородіе“, отвѣ-

чалъ онъ, снявъ фуражку, „что за мудрость такая, французъ не нѣмецъ какой, а такой же грѣшный какъ и мы православные. Сначала подошелъ ко мнѣ руку къ кзырьку, говорить—Божусь какъ я радъ! Я догадался, сказалъ ему: пожалуй и я гдѣ мусье, хотя и радоваться-то нечему. Французъ кажется добрый малый, да любить немного сзорничать, видно ужъ народъ такой, да не на того напалъ, ваше благородіе. Мы вѣдь и сами съ усами, да и борода есть почище его козлиной.— Ни съ того, ни съ сего, засормоталъ по своему и тычетъ мнѣ пальцемъ, дескать, что онъ мнѣ глазъ выколетъ!— Нѣтъ любезный шутишь, я тебѣ скорѣе оба выколю, и поднесъ къ его носу два перста!—Ну что же онъ?— Не унялся, ваше благородіе, какъ зазорничаетъ онятъ басурманъ,— bravo, bravo казакъ, и говорить, да яжъ тебѣ задамъ эва какой, поднялъ руку кверху, а потомъ къ низу, что молъ схватить меня за волосы да о земь.— Эге, голубчикъ ты мой, понимаю, понимаю; нѣтъ братъ мусье, не за свое дѣло берешься, у тебя и ноги тоненьки и душа коротенька, по нашему не такъ, и показалъ ему рукой, что я схвачу его за волостное правленіе, да въ нижній земскій судъ—за волосы, да тресну о земь, такъ, что онъ свѣта Божьяго не взвидитъ и начну его таскать изъ стороны въ сторону, что онъ и своихъ не узнаетъ! Послѣ того унялся мой французикъ, видитъ, что съ меня взятки то гладки и, что я самъ ему сдачи дамъ, какъ захохо-

четъ и закричить—bravo, bravo казакъ и ну меня подчивать всдкой. Вижу, что дѣло идетъ на мировую, подумалъ, подумалъ, отчего же и не выпить, ваше благородіе? вѣдь онъ не чортъ какой и не нехристь; взялъ да и выпилъ, сказавъ ему: „алла ра-зусунъ“, т.-е. покорно благодаримъ за ваше почтеніе. Французы, нечего сказать, народъ учтивый и славно деруться, жаль только того, ваше благородіе, что они связались съ туркой и съ этими красными раками, безъ нихъ бы мы важно ихъ всѣхъ поджарили. Аглицкій народъ, хотя дюжь и плотень, а дерутся на землѣ не такъ то— все на водѣ привыкли; отъ того и говорятъ будто у нихъ и лапы гусиныя!“

„Que dit-il mon supérieur?“ il dit mon brave chasseur, qu'il estime beaucoup les Français, qu'ils sont braves et généreux, mais il leur reproche d'avoir servi dans cette guerre les intérêts des Anglais, et d'avoir empêché les Russes d'exterminer tous les rouges jusqu' au dernier! „Bravo, bravo, mon ami le cosaque. Vous voyez donc, mon officier, qu'il a de l'esprit comme quatre, et que nous nous comprenons très bien“.

(Переводъ А. Б.). „Что онъ говоритъ, господинъ начальникъ“.— Онъ говоритъ, мой бравый стрѣлокъ, что онъ очень уважаетъ французовъ, что они храбры и великодушны, но онъ упрекаетъ ихъ за то, что въ этой войнѣ они дѣйствовали въ интересахъ англичанъ и помѣшали рус

скимъ истребить этихъ рыжихъ, всѣхъ до послѣдняго. „Браво, браво, мой другъ казакъ. Вотъ видите, господинъ офицеръ, что по уму онъ дѣйствительно стоитъ четверыхъ и, что мы вполне понимаемъ другъ друга“.

А. Безгинъ.

Взято изъ „Крымск. Вѣстн.“ № 123.

V.

Въ Севастополѣ.

На севастопольскомъ вокзалѣ комиссіонеры гостиницъ привѣтливо встрѣчаютъ на крыльцѣ проходящихъ съ багажемъ:— Пожалуйте къ намъ, наша гостиница первая распѣваетъ одинъ. „Ихъ гостиница дѣйствительно первая—отъ вокзала, а наша лучшая въ городѣ“. вторитъ другой. Начинается сортировка пассажировъ, ѣдущихъ прямо на южный берегъ, не заѣзжая въ городъ—они въ рукахъ биржевого старосты. На вокзалѣ нѣтъ ни „товарищества Кука“, ни справочнаго бюро—эту роль исполняютъ швейцаръ и артельщики за на чай или даромъ. Единственный городской, онъ же и загородный гидъ путешественниковъ—„Квартираки“ (съ краснымъ лицомъ и бѣлыми усами) приглашается на расхватъ иностранцами, незнающими русскаго языка. Иностранцевъ онъ возитъ до Бахчисарая показывать „фонтанъ слезъ“ и гробницу татарской царевны.—Какъ же вы дѣлаете, спрашиваю его однажды въ вагонѣ, чтобъ изъясниться съ англичанами при незнаніи вами никакихъ иностранныхъ языковъ?—„Очень просто, отвѣтилъ онъ,—они отлично понимаютъ мимику и не нуждаются въ словахъ; чтобъ объяснить имъ фонтанъ слезъ, я натираю глаза лукомъ и искренно плачу. Чтобы дать понять, что хочу имъ показать гробницу

татарской царевны, ложусь въ канаву и держу стоймя палку съ привязаннымъ къ ней платкомъ, обозначающимъ дѣвичью вуаль — они все понимаютъ и хорошо платятъ, лучше всѣхъ русскихъ туристовъ“.

„Иностранцы, въ особенности англичане очень аккуратны и все записываютъ въ книжку; когда я ихъ везу въ городъ и показываю достопримѣчательности—надписи: „здѣсь жилъ Тотлебенъ“, а похороненъ на Братскомъ или „здѣсь жилъ князь Васильчиковъ“, а теперь живетъ такой-то, то они сейчасъ дѣлаютъ свои замѣтки или стараются списывать самыя надписи, разумеется своими буквами. Еще показываю имъ: „здѣсь жилъ и умеръ Нахимовъ“; видя ихъ недоумѣніе, поясняю—Нахимъ-паша, тотъ самый, что сторожитъ Графскую; —улыбаются—видимо поняли. Замѣтно, что они понятливѣе русскихъ, которые часто моихъ словъ не понимаютъ—когда я за свою комиссію прошу дать мнѣ всего только одинъ рубль впередъ“.

* * *

Самый животрепещущій вопросъ для привѣзжающихъ въ Севастополь туристовъ, это гдѣ они будутъ обѣдать:

„Обѣдь! Пять буквъ, а сколько силы!
Въ немъ все движеніе и покой;
И отъ былинки до гориллы
Душа матеріи живой“¹⁾.

Дать тсчнаго указанія о томъ, гдѣ луч-

¹⁾ Захаровъ „Графъ Нулинъ—сынъ“.

ше пообѣдать—нельзя. Рестораны въ гостиницахъ „Кистъ“, „Грандъ-Отель“, „Ветцель“, „Сѣверная“. „Бристоль“, Франція“ и „Приморскій бульваръ“, часто мѣняютъ своихъ поваровъ, а потому рекомендуется прибывающимъ въ Севастополь на нѣсколько дней отобѣдать по очереди во всѣхъ ресторанахъ и тогда самимъ вывести свое заключеніе. Вегетаріанцамъ не совѣтую туда заглядывать—меню, почти исключительно состоитъ изъ плотоядныхъ яствъ—благодравія ради,—такъ какъ всѣмъ извѣстно, что Каинъ былъ вегетаріанецъ, а Авель питался убоиной.

Въ 1867 году въ Красносельскомъ лагерѣ, подъ обѣденный навѣсъ Николаевскаго кавалерійскаго училища повадился жеребенокъ; сейчасъ же онъ сдѣлался любимцемъ юнкеровъ—ктодавалъ ему котлеты а-ля-марешаль, кто бефъ-строгановъ другіе подносили ему шмандкухенъ—въ результатъ жеребенокъ рѣшительно отказался отъ свойственныхъ ему яствъ и началъ ѣсть одно мясо, но за-то кожа его приобрѣла особый запахъ и жеребенокъ сталъ отзываться псиной. У Свифта въ четвертой части Гуливера, во время путешествія въ страну Гуингнмовъ дѣлается сравненіе запаха людей питающихся растительной пищей, отъ упстребляющихъ въ пищу одно мясо; для послѣднихъ требуется больше одекопону и духовъ. Господа рестораторы обратите на это вниманіе, такъ какъ у васъ изъ растительной пищи, между на-

ми будь сказано, подается къ столу только одна горчица.

Собственно городъ Севастополь въ смыслѣ High life (фешенебельности) заключается между замкомъ Мирамаре на Пушкинской и Ponte dei sospiri (мостомъ вздоховъ) на Большой Морской. Мостъ вздоховъ выстроенъ недавно: подъ нимъ снуютъ не гондолы, а пожарные и собачій дилижансъ; вздыхаютъ же только тѣ, что не получили пособій, прссимыхъ въ управѣ.

На Екатерининской улицѣ, на той сторонѣ гдѣ почта, отъ Тотлебенскаго переулка до гостиницы „Ветцеля“, цѣлью тянется организація севастопольскихъ „компрачикововъ“, ²⁾ установившихъ на Цыганской слободкѣ таксу за прокатъ дѣтей, а прося милостыню, тычутъ на показъ зарубцовавшіяся грануляціи дѣтскихъ язвъ, съ цѣлью вызвать щедрыя даянія отъ сердобольныхъ дамъ. Нищіе мужчины группируются преимущественно между гостиницей „Ветцель“ и Корниловской площадью — при случаѣ — въ особенности молодые — практикуютъ вырваніе ридикюлей у дамъ въ чемъ имъ исправно помогаютъ цыганята, перебѣгающіе площадь быстрѣе автомобилей.

²⁾ „Компрачикосами“, въ романѣ Виктора Гюго — „человѣкъ который смѣется“ именовалась шайка нищихъ, калѣчащая краденыхъ дѣтей. Такая же шайка имѣется въ Кіевѣ, гдѣ похищеннымъ дѣтямъ ломаютъ руки и ноги и выкалываютъ глаза — смотри № 11905 „Новаго Времени“ отъ 5 мая 1909 г., страница — 5, столбецъ — 6, подъ заглавіемъ: „Занятія нищихъ“.

Рядомъ съ кондитерской, бывшей Мисинскаго есть спеціальныи бесплатный — не входъ, а пролазь на бульваръ во время музыки, черезъ колючую проволоку цѣлой серіей контрабандистовъ, помогающихъ другъ другу. Въ этомъ мѣстѣ по травѣ ногами протоптана даже тропа. Если вечеромъ во время лотереи-аллегри, стать на тротуарѣ наблюдателю, то можно видѣть, какъ черезъ повисшую и освобожденную отъ колючекъ проволоку, начинаютъ перелѣзать контрабандой сотни взрослыхъ и мальчишекъ — послѣдніе продаютъ на бульварѣ конфетти и залѣзаютъ тамъ же въ небрежно охраняемые чужіе карманы.

Съ Корниловской перейдемъ на Нахимовскій. По Нахимовскому проспекту идутъ двѣ барышни подростки; одна обращается къ другой: — вы по какой сторонѣ пойдете? — по зусманской или же по матросской?

На зусманской сторонѣ за витринами магазиновъ готоваго платья горчатъ нѣсколько Венеръ и Адонисовъ изъ папьемаше, которыми любятъ тротуарные фланеры; такъ какъ теперь нельзя всѣмъ идти на Графскую любоваться тою мраморной Афродитой или Гермесомъ въ нишѣ, что почесываетъ себѣ затылокъ надъ разборомъ барометрическихъ и термометрическихъ градіентовъ на подвѣшанной рядомъ съ нимъ подъ стекломъ табличкѣ. (Чтобы сдѣлать отмѣтку градіентовъ по-

стороннимъ, требуется разрѣшеніе для входа на Графскую).

Входъ на Мичманскій бульваръ къ памятнику Казарскому также по билетамъ, — постановленіе это вполне основательно, такъ какъ до запрещенія входа, нѣсколько лѣтъ назадъ экспроприровали однажды сигнальную пушку, отмѣчавшую полдень, ту самую, которая нынѣ находится подъ наблюдениемъ монумента адмирала Лазарева.

Прогулка вечеромъ по Зусманскому, то бишь по Нахимовскому проспекту, это такого рода состояніе, описать которое можно развѣ только стихами Пушкинской „Украинской ночи“. Толпа людей (риема — сельдей) мѣрно движется отъ Корниловской площади вверхъ; отъ одного иллюзіона до другого плювіона, толкаясь о плечи встрѣченныхъ лицъ. Идутъ сѣпившись шерочки съ машерочками, сбивая въ сѣтъ зазѣвавшихся пижоновъ, юные моншеры, съ папиросками въ зубахъ еще побѣдоноснѣе цѣпляются другъ за друга, не давая проходимъ пройти; и только проворные гавроши легко проскальзываютъ между тѣми и другими. Макабрскій свѣтъ электрической фонарей, скрещиваясь съ лучами свѣта отъ магазинныхъ лампъ, придаетъ улицѣ и толпѣ колоритъ изображенный на картинѣ Брюллова — „Послѣдній день Помпеи“. Несмотря на голпу, воздухъ довольно чистъ, такъ какъ тихій береговой бризъ, слегка озониру-

етъ атмосферу. По праздникамъ, публика прибываетъ съ продольныхъ и поперечныхъ окраинъ города, и не взирая на гулянье аллегри на Приморскомъ бульварѣ, усиленно заполняетъ Нахимовскій проспектъ, не желая платить гривенникъ или больше за утонченный аромат бараньяго жира, доносящейся изъ буфета на бульварную эстраду передъ музыкой... Носятся слухи, что когда городская управа повыситъ входную плату на Приморскій бульваръ, то молодежь устроитъ бросанье конфетти на Нахимовскомъ проспектѣ и тогда никто, кромѣ отставныхъ чиновъ и прїѣзжихъ туристовъ, не станетъ ходить за плату на бульваръ, даже и въ томъ случаѣ, если и на „собачьемъ бульварѣ“ у театра будутъ устраивать платные концерты по уменьшенной цѣнѣ.

* * *

По множеству береговыхъ изгибовъ и бухтъ въ Севастополѣ, воздухъ долженъ быть весьма чистъ и здоровъ, не то, что въ Харьковѣ. Только вслѣдствіе рѣдко выпадающихъ дождей и отсутствія поливки улицъ на нихъ накапливается много пыли, а по привычкѣ обывателей, проходя по улицѣ плевать семь разъ въ минуту, тротуары всегда оплеваны какъ бы крупными каплями дождя, вслѣдствіе чего болѣзнетворныя бактеріи отъ больныхъ плевалыщниковъ смѣшиваются и разносятся уличной пылью. Это бы еще ничего, если-бъ дворники и метельщики сметали бы пыль въ

определенные часы дня: но некоторые метут для моциона когда вздумается, другие бравируют своим усердием и переметывают взад и вперед пыль длинными взмахами метлы, как косари на покосъ. Буквально ни въ какое время дня нельзя пройти по некоторым улицамъ, не наглотавшись пыли, которую перебрасываютъ съ мѣста на мѣсто. Недавно пришлось наблюдать на Базарной улицѣ какъ одинъ „пылеметъ“ вытанцовывалъ метлой по тротуару какіе-то выкрунтасы и долго не давалъ пройти одной старой барынѣ, подсовывая ей метлу на потѣху гоготавшей базарной публикѣ.

Такъ и дышешь, разносимыми пылью, (а не москитами, которые на Морской самидохнуть) микробами насморка и инфлуэнцы, пока не доберешься до какого-нибудь бульвара, да и тамъ поливаютъ дорожки только передъ самой музыкой. Кстати, на Приморскомъ бульварѣ есть одна особенность—тамъ мертвое царство птицъ—не щебечетъ ни одинъ щегленокъ, не чирикаетъ воробей—всѣхъ кошки извели. Насколько свирѣло, угрожая полѣньями несется ватага бульварныхъ сторожей, когда завидитъ возлѣ какой-либо дамы болонку, настолько котамъ лафа, имъ даже во время музыки разрѣшается на бульварѣ устраивать собственныя серенады.

Оправдывать изгнаніе птицъ, садовники и цвѣтоводы всегда могутъ; но оправдывать ежедневное изгнаніе дѣтей съ буль-

вара за три часа до музыки, во время яркаго солнечнаго сіянія въ 5 часовъ дня, когда солнце заходитъ въ юнѣ послѣ восьми, и только послѣ восьми часовъ вечера начинается музыка, нѣтъ никакихъ основаній и это есть безцѣльная жестокость. Сторожа въ 5 часовъ дня свирѣло звонятъ, опоражнивая бульваръ отъ публики; и бульваръ, безъ надобности, въ самое полезное, чтобъ дышать свѣжимъ воздухомъ, время, въ теченіе трехъ часовъ, остается пустымъ, только для того, чтобы какъ-нибудь не пропалъ изъ дохода управы тотъ гривенникъ, который она все равно не получить. Вѣдь, ни тѣ, которыхъ выгоняютъ, какъ и ни тѣ, что пролѣзаютъ черезъ проволоку, все равно не станутъ платить за входъ; такъ почему не изгонять ихъ за полъ часа, (а не за три часа) до музыки; вѣдь на бульварѣ надо смотрѣть какъ на достояніе вольно и невольно проживающихъ въ городѣ лицъ и какъ на мѣсто, служащее для оздоровленія больныхъ, а не какъ на кафе-шантанъ или на безапелляціонное владѣніе городской управы, отнимающей у жителей Севастополя ежедневно три часа лучшаго времени дня.

И не только дѣти, но и родители ихъ клянутъ отцовъ и дѣдовъ города—дайте и намъ любоваться солнечнымъ закатомъ—не гоните съ бульвара до музыки; вѣдь еще Великій основатель Петрограда, двѣсти лѣтъ назадъ постановилъ, чтобъ на

стрѣлкѣ Елагина острова, гдѣ, какъ и на нашемъ Приморскомъ бульварѣ—единственное мѣсто откуда можно видѣть закатъ солнца въ морѣ, горожане созерцали бы его бесплатно; завѣтъ этотъ въ Питерѣ свято соблюдается и по нынѣ. Жизнь— всюду жизнь; не смотрите же на нее такъ легкомысленно, какъ тотъ философъ, что считалъ чужую жизнь не имѣющей никакой цѣности:

„О, жизнь забава ты пустая!

„(Такъ приговаривалъ мудрецъ,

„Щенка за форточку бросаю). 3)

Историческій бульваръ тоже теряетъ свою патріархальность и перестаетъ быть рандеву апаховъ и навахоевъ и тамъ оправдывается поговорка:

„Любовь и бѣдность никогда,

„Не вьютъ для радости гнѣзда“. 4)

Въ особенности послѣ того, какъ проведутъ подъѣздъ знаменятаго севастопольскаго трамвая.

* * *

Относительно трамвая, а не буду осуждать продолжительности его остановокъ— это достигаетъ цѣли, увеличивая доходность, разъ публика съ ягнячьей покорностью заполняетъ трамвай. Но есть двѣ вещи, совершенно не нарушающія доходность трамвая, первое—плеванье въ вагонахъ трамвая, не допускаемое во всей Европѣ и отчасти въ Россіи, а затѣмъ куренье, запрещаемое теперь во всѣхъ от-

крытыхъ вагонахъ электрическихъ трамваевъ Россіи. А именно: должны быть надписи, первая:—„просить публику въ вагонахъ не плевать“, а вторая:—„курить разрѣшается только на площадкахъ“; вмѣсто этаго, общество выставило какіе-то картонные щиты съ торговыми рекламами, углами картона, выкалывающіе глаза публикѣ или сбивающіе на улицу шляпы съ головъ.

Извѣстно, что въ Сингапурѣ, при Малакскомъ проливѣ, въ ботаническомъ саду есть надпись исключительно на русскомъ языкѣ: „цвѣтовъ не рвать, травы не топтать, не харкать и не плевать“. Видно и тамъ извѣстна русская чистоплотность; почему же трамвай не можетъ выставить надпись съ просьбой—не плевать; вѣдь севастопольскій трамвай становится настолько доходенъ, что не нуждается въ заискиваніи передъ плевками, а то вѣдь въ любомъ вагонѣ этого трамвая больше оплеванъ полъ, чѣмъ улицы всего Нидерландскаго королевства. Иногда лучше смотрѣть на пассажировъ парохода во время сильной качки, чѣмъ на возмутительное сморканье въ трамваѣ черезъ ротъ. Въ Америкѣ въ Соединенныхъ Штатахъ, въ видахъ оздоровленія городовъ, за одинъ плевокъ на улицѣ взимаютъ штрафъ въ 500 долларовъ. „Если ты плюешь на земь,—ты плюешь въ ротъ твоего ближняго“, сказалъ докторъ Герикуръ, въ своихъ заповѣдяхъ

3) Захаровъ „Графъ Нулинъ-сынъ“.

4) Захаровъ „Графъ Нулинъ-сынъ“.

гигиены. ³⁾ Неужели общество севастопольскаго трамвая, отказываясь выставить плакатъ съ просьбой не плевать, найдетъ для себя выгоднымъ развозить бациллы туберкулеза, дифтерита и другихъ заразъ.

Относительно же куренья, не говоря о томъ, что со стороны курящихъ, куренье въ чужую физиономію, по отношенію всѣхъ дамъ и некурящихъ мужчинъ является актомъ невѣжливости и признакомъ крайней невоспитанности или распущенности (вѣдь ни одна дама не курить въ вагонѣ); но кромѣ того можетъ быть поводомъ для возбужденія иска противъ общества, если въ вагонѣ нѣтъ надписи: „курить воспрещается“, въ томъ случаѣ, когда какой-нибудь второй сынъ Ноя пуститъ кому-нибудь искры въ глазъ, хотя бы и не предумышленно; или во время сильнаго вѣтра зажжетъ легкое дамское платье, какъ это имѣло мѣсто въ 1901 году въ Севастополѣ: отъ брошенной изъ окна въ Тюремномъ (нынѣ Ремесленномъ) переулкѣ папироски, вспыхнуло на проходившей дамѣ платье и она тутъ же заживо сгорѣла на улицѣ. Общество севастопольскаго трамвая, произвольно санкціонируя право выжигать папиросами глаза и платье своимъ пассажирамъ, если не выставляетъ надписи о запрещеніи курить, отвѣтственно за послѣдствія и убытки даже въ томъ случаѣ, ког-

³⁾ См. журналъ „La Revue“ №№ 9 и 10 отъ 1 и 15 мая 1909 г. „d.—r. Héricourt Les commandements de l'hygiène“.

да два пассажира симулянта, завѣдомо подожгутъ себѣ бороды или старья ломотья. Принимая на себя защиту нечистоплотнаго меньшинства противъ остальной публики и въ особенности дамъ, заполняющихъ вагоны трамвая, правленіе общества, надписями или черезъ своихъ агентовъ, обязано разъяснить публикѣ сомнѣнія и недоразумѣнія по отношенію курящихъ, въ противномъ случаѣ оно само дѣйствуетъ провокаціонно.

Вотъ сценка съ природы въ севастопольскомъ трамваѣ: сидитъ одинъ некурящій пассажиръ между четырьмя курящими и отмахивается отъ дыма газетой, при чемъ нечаянно задѣваетъ сосѣда. „Вамъ не нравится куренье, такъ вы деретесь. Господа! давайте его закуримъ“.—Какъ деретесь? что вы говорите? „Деретесь, деретесь, вы даже газетой мнѣ въ морду дали! закуривайте его“. Всѣ курятъ и стараются направить дымъ на некурящаго. Во время одного порыва вѣтра нѣсколько искръ летятъ въ лицо и на платье некурящаго, который вскрикиваетъ: Ай! карауль! окри-вѣль! Кондукторъ составьте протоколъ! лишился глаза! У пассажира изъ глазъ текутъ слезы. Всѣ четверо курящихъ пассажира соскаквивзютъ съ вагона и бѣгутъ въ разныя стороны. Некурящій пассажиръ хохочетъ.—Вѣдь я не плакалъ, а хохоталъ до слезъ! Все это кажется смѣшно, когда-бы не было такъ грустно, имѣя въ виду симуляцію къ которой пришлось прибѣгнуть

некурящему пассажиру для самозащиты от допускаемого обществом трамвая куренья, при гомерической неделикатности нѣкоторыхъ курильщиковъ.

Дома я самъ курю сигары, но 21 мая въ 8 часовъ вечера въ вагонѣ № 1 трамвая, одинъ курильщикъ, услаждая меня дымомъ своей аса-фэтиды (вонючки) буквально искрами мнѣ облѣпилъ лицо. Когда же я вскрикнулъ отъ боли, кондукторъ въ свою очередь закричалъ на курившаго: „какъ вы смѣете такъ курить!“, забывая или несоображая, что пассажиръ курить съ соизволенія самого трамвайнаго общества, и за его юридической отвѣтственностью, дающихъ право каждому курильщику издѣваться надъ физиономіями своихъ визави.

О севастопольскихъ извозчикахъ нѣтъ мѣста разглагольствовать; слѣдуетъ только упомянуть для свѣдѣнія молодежи, что у нѣкоторыхъ извозчиковъ шантажистовъ есть особая такса: проѣхались вокругъ города по трамвайному пути кавалеръ съ дамой; и за двадцать минутъ ѣзды даютъ извозчику рубль. „Помилуйте, говоритъ извозчикъ, меньше двадцатипяти рублей не возьму“. — Это по какой таксѣ? спрашиваютъ изумленные пассажиры. — „По бракоразводной-съ!“

* * *

Изъ всѣхъ шумовъ въ мірѣ, музыкальный шумъ,—самый отвратительный, сказаль Байронъ.

И вотъ, имѣя лишнихъ сто рублей, лю-

ди съ поврежденной барабанной перепонкой, заводятъ у себя граммофонъ. Пусть услаждаютъ они эстетическое чувство своихъ соквартирныхъ обитателей. Но нѣтъ, не для того купили они съ аукціона этотъ подержанный граммофонъ! одержимые бѣсомъ челоуѣконенавистничества, они ехиднымъ образомъ направляютъ свою Іерихонскую трубу въ открытое на улицу окно и позднимъ вечеромъ, въ то время какъ большинство жильцовъ сосѣднихъ домовъ собираются спать, заставляютъ насильно слушать хриплые, исковерканные напѣвы Вяльцевой, Шаляпина и чье-то кваканье на кекуокъ. Вой граммофона продолжается примѣрно съ 8 часовъ вечера до 12 ч. ночи—въ праздники и позже. Улица близъ этого зданія наполняется толпой. Подъ звуки „камаринской“ начинается плясъ кухарокъ и девицъ сосѣднихъ многолюдныхъ домовъ. Закрывать окна невозможно—душно и жарко; и больные въ квартирахъ, даже при закрытыхъ окнахъ, обязаны терзаться пыткой, измышленной волей какого-то савраса, рассчитывающаго на пробѣль въ законѣ, будто бы не предусматривающаго нарушенія общественной тишины (ст. 38 уст. о наказ.) ревомъ испорченнаго граммофона, только потому, что онъ помѣщается не на самой улицѣ.

Обратился разъ за совѣтомъ къ ближайшему осетину, что надо сдѣлать, чтобы унять пляшущую ораву, вмѣстѣ съ каторж-

нымъ граммофономъ?— „А ти свысни въ балшой свыстокъ—оны усѣ какъ фазаны сычасъ пшыкнуть, а чорта съ музыкой унять нѣльзя, какъ нѣльзя унять и сырѣну на морѣ“.

Представьте себѣ этотъ же граммофонъ, перенесенный, напримѣръ, въ домъ Ага, противъ бульвара и направленный на музыкальную эстраду во время симфоническаго концерта; будетъ-ли это нарушение 38 статьи? если—да, то извольте унять его и на Большой Морской.

Касаясь наружнаго благоустройства, я не могу не коснуться и внутреннаго. Дѣло въ томъ, что въ послѣднее время, не только въ городѣ, но и на слободкахъ стали возникать—трехъ, четырехъ и даже пятиэтажные „небоскребы“, съ флигелями во дворѣ, рассчитанные на доходность владѣльца во что бы то ни стало—„было бы болото—черти будутъ“. Я не упоминаю о способѣ постройки и матеріалахъ, а укажу только, что при нѣсколькихъ десяткахъ квартиръ, флигеля часто лишаютъ многія квартиры доступа воздуха и свѣта; кривыя и неисправныя деревянныя лѣстницы загромождаются всякой рухлядью, такъ какъ лѣтомъ, за отсутствіемъ балконовъ, многіе жильцы располагаются на площадкахъ наружныхъ лѣстницъ для жительствова, стѣсняя этимъ жильцовъ другихъ этажей. Посреди дворовъ, во всякое время дня и часто ночью, вопреки ст. 299 и 300 устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступлений, разводятся огни на жаровняхъ и ман-

галахъ, на которыхъ топится протухлый бараній жиръ; самовары съ керосиномъ безпрестанно дымятся по всѣмъ лѣстницамъ, площадкамъ и галлереямъ; помоймья ямы и другія клоаки издаютъ не совѣтъмъ пріятный запахъ, а многострадальныя жильцы, законтрактованные безъ всякихъ правъ въ своей муравьиной ямѣ, только и помышляютъ о томъ, какъ и чѣмъ досадить своему такому же безправному сосѣду и апеллировать на него общему для нихъ шейлоко—подобному вампиру. И я кончу на этомъ, пародируя Некрасовскими стихами:

„Грязь, мерзость, вонь и тараканы
И надо всѣмъ хозяйскій кнутъ;
И вотъ какъ многіе болваны—
На нашей улицѣ живутъ“.

А. Безгинъ.